

ВЛАДИСЛАВ А. КОСТЮКОВ

ПЛАНЕТЫ АДА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

КНИГА ПЕРВАЯ ТОМ III
ВСЕЛЕНСКИЙ СПАСАТЕЛЬ

18+

Владислав Костюков

**Вселенский спасатель.
Книга 1. Планеты Ада. Том 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Костюков В. А.

Вселенский спасатель. Книга 1. Планеты Ада. Том 3 /
В. А. Костюков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-03319-1

Площадка на верхушке башни "Судьбы" хорошо освещена. Хоть фонарей здесь не было. Небо чёрное всегда. Во вселенной, где летела Скала Судьбы, не было звезды под названием Солнце. Светили звёзды, похожие на маленьких светлячков, посеянных в густой траве. "Отец, не пора ли нам покинуть это пустынное место?" Принцу Карро до смерти надоело... Всё... Наблюдать за звёздами. Лицезреть задумчивое лицо Чёрного принца, Люцифера, своего отца. Видеть в озере, как в телевизоре, жизнь неизвестных миров. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03319-1

© Костюков В. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Смена власти	5
Смертельная природа	12
Повелитель тьмы	14
Путь тьмы	18
Сон о Москве	22
Швейцария по – Оренбургски	24
Сновидение два	27
Сон третий	32
Глава 2. Нашествие	37
Недремлющее око, созвездия «Малого Пса»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владислав Костюков

Вселенский спасатель.

Книга 1. Планеты Ада. Том 3

Глава 1. Смена власти

Площадка на верхушке башни «Судьбы» была хорошо освещена несмотря на то, что фонари здесь не были предусмотрены. Небо было чёрное всегда, так как между Вселенным, где летела скала «Судьбы», не было звезды под названием «Солнце». Светили лишь звёзды. Они были похожи на светлячков, посеянных в траве, такие же Солнца, только далёкие, на миллиарды километров отдалены.

Отец, не пора ли нам покинуть, это пустынное место.

Принцу Карро до смерти надоело... Всё... Наблюдать за звёздами. Лицезреть задумчивое лицо чёрного принца, своего отца. Видеть в зеркале жизни, как в телевизоре, неизвестные миры. Надоело разнообразие планет с их разнообразной флорой и фауной. «Операция шлюха провалилась». «Ждать похвалы от отца было наивно». «Найду тварь, порву». «Такую операцию завалить». «Не чего людям, даже ведьмам, доверять нельзя».

Нет в тебе, сынок, романтики, – выныривая из трясины мыслей, произнёс его высочество, – не можешь ловить удовольствие в мыслях.

Ваши высокие мысли мне не доступны, а свои думы мне надоели. Тем более надоели чужие вопли, посылаемые вашими подчинёнными, – отбивая желание подискутировать, чьи мысли лучше, произнес Карро.

Юный принц знал, что в вопросе интеллектуальных дум отец профессионал и тягаться с ним бесперспективно:

«Сейчас скажет старик, что я весь в мать».

Кто же эти наглецы, которые обращаются к тебе, а не ко мне наделённому сеять добро в этой части звёздного мира? – С ухмылкой, от которой пробивал холодный пот демонов, даже высокого ранга, произнёс Люцифер.

Вы, Ваше высочество, извините, но сквозь ваши высокие мысли Вселенского масштаба не пробиться. Вот они и посылают, в мою пустую голову, свои мольбы о помощи, – слова Карро прервал раскатистый смех принца тьмы.

Какое замечательное замечание о пустоголовости. Гы—гы—гы.

Смех плыл, не отражаясь, так как в безвоздушном пространстве Скалы Судьбы отражаться было не отчего.

Замечательно. А главное самокритично, – вдоволь насмеявшись и переведя дух, изрек Люцифер.

Братья Тьмы с Земли отказались подчиняться нашим Князьям. Говорят, что гильдия демонов, ведьм и прочих тёмных сил Земли, ни под кем не ходила и ходить не будет.

Кроме царя царей Сатаны никто им не указ. Отец, может обратиться к государю, пусть рассудит.

Обратится? Пусть рассудит? Учишь, тебя учишь и бестолку. Как был ты в свою мамашу, простую огненную ведьму, так и остался. Нельзя просить у тех, кто сильнее, кто богаче. Будешь всю жизнь в холуях ходить. Карро, сынок, я тебя готовлю в руководители.

Простите отец.

Извинение приняты. Довольно лирики, сын. Нас ждут вселенские дела. Слетаем! Посмотрим! Кто там против нас, повелителей – этого забытого Создателем края вселенной, хвост пушит!

Повелители с головой закутались в чёрные плащи с алым подбоем и тихонько растворились в залитом молочным светом звёздном пространстве, даже следа на месте, где они стояли, не осталось, рассосались без следа в бесконечном эфире. Сильные! Вершители мира сего! Чванливые! Они, даже не заметили, что растревожили своим появлением целый мир. Мир народа охраняющего «Башню Судеб». Атмосфера на площади возле башни накалялась. Путь к перемирию был отрезан. Сабли, когти на лапах, расчехлены. Нападали лавами! Рвали и метали! Они не помнили о том, что дома ждут дети и жёны. Не замечали, что «Серафимы» и «Летающие животные», похожи друг на друга. Просто, по задумки Создателя, одни выше другие ниже. Одни шире другие уже.

Наплевать, что одинаковый язык. Дети рождаются из одного места.

Рви! Одна служба по охране «Башни Судьбы». Топчи! Бесконечное время они меняли друг друга в дозоре. Режь плоть! Расчехлённые сабли когти вязнут в пернатых телах. Куски разорванных искалеченных «Серафимов», мышцы, перья, крылья, «Летающих Животных» устлали ковром плоти площадь у «Башни Судьбы». Санитары, всегда голодные головы дракона, на длинных шеях, появились из—за стен «Башни Судьбы». Языки пламени вылетали из огромных глоток монстра. Дым стеной стоял над ковром из плоти. Дракон предпочитал пищу с пылу с жару. Ряды, пернатых воинов, редели.... Отгон широкой дорогой сеял смерть вокруг себя, пробивался к ненавистному существу. «Во всех вселенных не было твари, которую так радостно растерзать». Враг, Отгона, наоборот не жаждал встречи. Хирон тщательно прятался за плечами гвардии. Увы, широких плеч гвардии, вскоре не стало.... Отважные воины, защищая тщедушного вождя, легли в битве один за другим. Хирон не страдал от смерти избранных гвардейцев, тайно завидовал, доблести, силе, росту, собственной гвардии, конкурентам у кормила власти. Дети богатых семей имели шанс. «Как хорошо, что они погибли, какое—то время я вне конкуренции». Думал Хирон, ища защиты у низкорослых соплеменников, увы, к огорчению вождя, малыши попрятались за трупами гвардейцев. Он видел залитое «голубой жидкостью» тело Отгона, ненавидящие, пылающие лютой злобой, глаза, в его голове била молотом одна мысль: «Вот и смерть пришла». Хирон, именно так представлял в кошмарах смерть: «Тело, залитое «голубой кровью», висящими в беспорядке ключьями крыльев, разорванными гроздьями мышц». Отгон, искалеченным телом, поймал в смертельные объятия, Хирона. Вожди, как сиамские близнецы в утробе матери, давили друг друга. От напряжения «голубая жидкость» фонтаном забила из многочисленных ран смелого воина. Отгон, не смотря на кровопотерю, продолжал уменьшать площадь жизни вождя «Серафимов». Казалось, участь тщедушного Хирона, предрешена, гибель костей, мышц бедного «Серафима», в стальных объятиях Отгона, неизбежно.

Как во всех мирах, так и в мире «Скалы» коварство и подлость живучи.

Пощади! – синел, задыхаясь, слабея Хирон, – дай крикнуть последнее слово!

Отгон пощадил. Гигант с огромными сильными мышцами, был великодушен. Он дал врагу последний раз вздохнуть, ослабив свои железные объятия. Рыцарь, без страха и упрёка, упал на ещё дымящую, чужую плоть, постепенно исчезающую, в ненасытном желудке дракона. Он даже не успел почувствовать, что погиб. Виной этой смерти стала ложь и желание победить любой ценой. Хирон родился уродливым, маленьким летающим гоблином, «серафимом», потомком изгнанных ангелов. Хоть это никто не доказал. Главное племя так считало, маленькое росточком, но гордое характером! Уродцу в среде «Серых Серафимов» путь наверх, заказан! Хирон с самого рождения жил одной мыслью: «Власть»!

Уродец, в отличие от пернатых собратьев, имел третью недоразвитую лапу.

Какое счастье! – твердил, улыбаясь, урод.

«Разве может быть в уродстве счастье?» —спросит любое разумное существо.

Да! – ответил бы тому наглецу Хирон, – если эта третья ненужная запчасть, была небольшой, а честолюбие с детства у тебя огромное.

Будущий вождь, «Серых Серафимов», с раннего детства научился прятать своё уродство.

Благо, крылья и шерсть на теле. Тайна существует для того, чтобы о ней никто не знал. «Что знают двое, знает сам Сатана». Думалось честолюбцу. С детства, коварный, узнал о пользе доносов. В один из дней. Этот день для племени «Серафимов» стал чёрным. Появились несколько. Сколько до сих пор некто об этом не знает. Кто знал, тот пропал, сгинул в том же направлении. Так, что тсс, только для вас сообщаю. Появились несколько неизвестных чёрных пришельцев. Вскоре пропали оба родителя уродца. Никто на это происшествие не обратил внимание. Кто обратил внимание? Сородичи Хирона, шептавшие: «Растворились в глубине Вселенной». Они пропали вслед за родителями. Так что свидетелей уродства будущего лидера в среде «Серафимов» не осталось. Одно препятствие к трону было преодолено! Узнай племя об уродстве претендента. И всё! Карьера кандидата в лидеры закончилась. По законам племени – лидером рода – не мог быть мутант. Но путь к трону ещё не свободен, то, что Хирон скрывал, расчистило извилистый путь к власти, кто знакомился с недоразвитой рукой, единственным, очень острым, как сабля, когтем, не появлялись после смерти, а исчезал в звёздных просторах эфира.

Заберите груды мяса, – прошипел Хирон гвардейцам, оставшимся в живых, – отнесите в низ, в пещеры «забвения».

Не много подумав, немало ли наказал, продолжил:

Отрубите голову, пустим её гулять отдельно.

Я возьму её с собой.

Хирон, проводив торжествующим взглядом, гвардейцев, небрежно, за ноги, тащившим тело Оттона.

Народ расступился... Стояли понуро гиганты «Животные», склонили головы низкорослые «Серафимы». Голова вождя, в такт шагам гвардейцев, билась о брущатку площади. Гвардейцы взлетели, как тяжёлые лайнеры, тяжело махая крыльями, вскоре исчезли за горизонтом, утонув в звёздном море. Путь в пещеры неблизкий. Надо преодолеть море Разлук. Перелететь через горы Ненависти. Спустится в расщелину Горя. Долго плутать по заброшенным пещерам Зависти. Будто провалившись в преисподнюю увидеть огонь, стелящийся по каменным стенам пещер Забвения. Это центр Скалы Судьбы. Здесь обитают духи неизвестного народа. Огонь в пещерах забвения, то появляется, то исчезает в адской глубине «Скалы». Охлаждаясь потоками ледяных вод, обжигаясь огнем, будет бродить тело вождя – вечность. Голова, будет жить отдельной жизнью. Она исчезнет в глубинах необъятного космоса. Такую казнь придумал урод, Хирон, как истинный руководитель не задумывался над тем, что кого—то погубил. Он как не в чём небывало, продолжил отдавать приказы:

Соберите, что осталось от моего народа после битвы. Я скажу речь....

Найдите дитя. Наследника этого неудачника Оттона. Надо и его определить туда, откуда нет возврата.

Странников, эта дыра, окно ветров, родной дом. Здесь, пролетая через окно, Ветра, не знают горя, свободным чуждо тщеславия, вселенные место для их прогулок.

Отверстие в пещере, окно, делится со странниками ощущением Вселенных... зная языки ветров можно узнать новости планет, звёзд и звёздных дорог...

Ну, вот и окошечко ветров. Добрались с помощью Создателя.

Так шептала няня, плотнее закутывая тельце малыша:

Успели мы с тобой моё дитяtko, нет пока проклятых собак «Серафимов».

Нянька плотнее укутала седое тело крыльями с потерянными или поломанными перьями.

Старуха прожила непростую жизнь. Она помнила себя молодой и лёгкой на подъём. Её наливное подёрнутое мягким пушистым волосом тело привлекало к себе взгляды ласковые любовные и злобные, похотливые. Много перьев она потеряла, защищая свою честь. «А это перо я сломала в порыве любви во время брачной ночи с Генри». Увы, всё это кануло в бесконечность бессмертия. Поседела нянька рано после того, как овдовела и потеряла своего единственного сына. Муж и сын пропали после прихода чёрных гостей. Нянька нежно обняла юного гоблина, обернула тельце нежными крыльями с пушистым подбоем, вставила между нежными крыльями жёсткое перо Оттона – клеймо рода. Её губы шептали слова, как заклинание:

Плыви дитя вслед за матушкой, вот ласковый ветер, запах цветов тебя согреет.

Няня отпустила руки. Ветер с запахом пряных цветущих растений, принял ребёнка. Ласковые мягкие тёплые ладони подняли малыша в воздух. Дитё спало, закутавшись в свои мягкие крылья, как в бутон цветка. Ветер нежно нёс бутон в звёздный эфир.

Надо запомнить запах ветра. Передать, если позволит Создатель, родителям.

Кто это, – удивление в словах Хирона было не поддельным, – после ваших лап трудно узнать племя, к которому принадлежал, этот мешок с костями.

Поймали её у окна ветров. Не сознаётся, что там делала, – один из гвардейцев попытался поднять растерзанное тело. Гвардейцы хором воскликнули:

Мы всеволишь немного пощипали её перья. Слабый народ пошёл....

Не трудись поднимать. Пусть валяется. Всё надо додумывать за вас, – голос вождя полон самодовольства и спеси. Хирон наслаждался властью:

Наследник пропал, это дело этого тела. Если бы ваши лапы не перестарались, я бы сразу узнал в теле няньку наследника летающих скотов. Привязать тварь к столбу позора. Собрать всех пернатых. Пора объединить шайку в нормальное царство.

Хирон замолчал и оглянулся вокруг.... Площадь перед башней Судьбы была чистой от трупов, даже блестела от слюны, так постарался многоголовый обжора Змей. Он подобрал урожай смерти: части тел и тех, кто погиб целиком. Площадь была забита до отказа летающими гоблинами свободными от дежурств по охране «Парков» – плетущих нить жизни. Гоблины нервничали. Холерики беспорядочно взлетали над площадью. Охрана вождя следила за порядком на площади, грубо возвращала нарушителя на место. Хирон стоял на возвышении, это лобное место, в середине площади. Тело вождя, с выгнутой вперёд грудью, распирало от удовольствия. Хирон вещал, на всю аудиторию, окрепшим от победы голосом:

Хочется быть кратким... значиться основное... победив Оттона, я назначаю себя царём. За царским жезлом и благословением полечу к заступнику «Серафимов», царю царей Сатане. Кто против.?

Вече собралось в перерыв, между завтраком и обедом многоглавого дракона. Сейчас плотно позавтракав останками разорванных на поле брани и просто зазевавшихся пернатых, его гадкое обжорство почивали. Храп, был слышен на всю скалу, летевшую в пространстве звёздного эфира, неведомо куда. Порой слушателям казалось, что храп чудовища заполнил всё пространство вселенных. На речь Хирона никто не ответил. Присутствующим на площади гоблинам речь казалась сном. Не дождавшись возражений, Хирон продолжил:

Я рад, что победитель всегда прав... Как победитель заявляю, для так называемых летающих лисиц, скунсов и прочих пернатых животных, племя «Животных» с этого дня стало мифом!

Хирон, как истинный оратор, сделал длинную паузу, надо насладится победой, властью, даже ему трудно поверить, что он, урод, владеет всеми жителями древней скалы. Пауза затянулась, это было задумано, чтобы привлечь внимание слушателей, к историческому моменту. Насладившись, тщедушный, самопровозглашённый монарх, продолжил:

Теперь мы, народ одного государства, «Скалы Судьбы».

Слова, царя Хирона, перешли в злобный шепот. Его услышал каждый слушатель, кроме наслаждавшегося сном и храпом дракона:

Все слышат! Запомните! Не забывших ждёт долгая и мучительная жизнь. Мы принадлежим к потомкам павших ангелов. Мы государство одного племени «Серафимов» Кто думает иначе – враг.

Площадь перед входом в башню Судьбы замерла... тишиной абсолютной. Если бы в звёздном мире пролетающим мимо скалы, летали кровососущие паразиты, слышно было бы, как они, жужжа от наслаждения. Народ замер, приготовился к ужасному. Крылатые гоблины не знали, что такое есть диктатура. Стража с молоком матери всосала легенды о своём небесном и планетарном происхождении. Падшие ангелы «Серафимы» думали, что подчиняются самому Сатане. «Животные» представляли своим главою Троицу

Живо начальную: Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа, но, то, чтобы царём стал мерзкий худосочный Хирон, было от чего ужаснуться и покрыться мурашками, величиной с большую зелёную муху.

Льготы и привилегии уничтожаются, – продолжал новоиспечённый сатрап. – Вот так вот примерно будет.

Само провозглашённый монарх надулся от удовольствия, даже стал казаться выше.

Зрителям, Хирон, напомнил пузырь с дерьмом, который вот – вот лопнет, закрыли лица, думая, что он забрызгает окружающих дурно пахнущим содержимым.

Конечно, можно отменить бессмертие.

Волна возмущения поднялась над площадью, вот, вот разразится буря.

Увы, она угасла, не долетев до трибуны, а сатрап, даже не заметив, возмущение подданных, продолжил:

Раздавать вечную жизнь можно было бы только приближенным, отличившимся на царской службе.

Опять повисла пауза, как острый меч, над согражданами терпящими, это шоу.

Увы, это мне пока не доступно.

Паузы сыпались, как из рога изобилия, удлиняя речь ничтожного оратора.

Хирон сделал очередную длинную паузу, чтобы почувствовать настроение слушателей.

Площадь ответила оратору глубоким вздохом облегчения. «Рано радуетесь. вольница окончилась». Так думал диктатор. Он наслаждался своей победой. На лице самодержца застыла гримаса наслаждения и ехидства.

«Я, Хирон первый, заставлю вас вздрогнуть». «Покажу, кто на скале хозяин!» «И как моя доброта пахнет».

Вслух сатрап огласил приготовленный сюрприз:

Каждый провинившийся будет наказан бессмертием. Это продемонстрирует начальник гвардии монарха. Моей личной охраны.

Чтобы подчеркнуть, о чьей гвардия, идёт речь, самодержец постучал себя в птичью грудь.

Я ему доверяю. Более того, это не просто правая рука. Риг часть меня, – при этих словах сатрап попытался взлететь и стать выше ростом. Риторический вопросом садист продолжил торжественную речь:

Как же будут наказывать непокорных? Мой Народ! Мои Верноподданные ждут! Самопровозглашённый император захлопал в ладоши, призывая к действию.

Гвардейцы внесли тело вождя «Животных», голова Оттона улыбалась, раны на большом теле затянулись. Могучая грудь вождя не дышала, но чувствовалась стремление к первому вдоху, казалось ещё мгновение мужественный воин встанет и пойдёт. Многие из племени «Животных» замерли в ожидании Чуда, но видно они плохо взывали к Богу или грехи их были тяжкими. Они ожесточённо шептали:

Пусть оживёт, поднимет тяжёлый меч, не быть объединению племён, умоется Хирон кровью.

Увы, жестокость плохой заступник.

Риг, правая рука Хирона, достойный своего венценосного господина, тоже умел делать паузы, но не в словах, гвардеец был косноязычен, а в движении. Взяв в руки меч Оттона, быстро поднял, как артист замер в движении. Резкий свист пронзил, пространство. Меч рассёк могучую шею вождя. Голова, не оправдавшая надежд, будто нарочно покатилась к ногам новоиспечённого Хирона Первого.

Вот и ладно. – Произнёс «добряк», наступая на голову. – Теперь телу будет гораздо легче бродить в пещерах забвения.

Садист показал почему—то, куда—то вдаль:

Там в глубинах скалы...

Монарх замолчал, задумавшись. Уловка – хитреца, давно рассчитавшего казнь до конца: Голову, – артист романтично вздохнул, – доверим ветрам, пусть поиграют проказники. Хирон елейным голосом произнёс:

Была интересная история, лягушка путешественница, будет другая легенда, голова звёздная странница.

Монарх, ещё раз театрально, с сожалением, вдохнув, махнул крыльями. Хирон взлетел, завис высоко над площадью. Трибун высокопарно на всю площадь прокричал:

Да и мне пора. За меня останется править Риг. Можете расходиться.

Жители, охрана «Башни Судьбы», молча, побрели с площади. Народ больше никто не задерживал.

Они не взлетали. Летающие гоблины, на время забыли, что могут парить над скалой. Каждого из них, даже самых глухих, к скале прижимал шёпот:

Помните! Сюрприз с головой, странницей звёздного эфира, может ожидать каждого. Приеду, спрошу со всех.

Хирон растворился. Звёздный эфир принимает всех и хороших, и плохих. Он навис над башней Судьбы, какимто злым чёрным туманом. Эфир злился ненавистью Сатаны. Слова о голове путешественнице и перспективах не послушных глубоко засели в тьме. Очередную угрозу монарха, увы, подданные не оценили. «Крылатые», подавились вероломностью государя. Гоблины разошлись молча. Каждый утонул в собственных мыслях... Окно ветров открыто всегда. Здесь нет охраны. Да и могла ли стража задержать странников свободного звёздного эфира. Ветроудй залетая, через окно, в громадную пещеру не останавливался. Он носился везде, где мог протиснуться и создать сквозняк. Ветрам чужда лень. Больше всего астральные странники любили вить узоры. Ветер не виден, если в него не заплелись частицы глины, травы или мусора. Но, увы, мусора не было. В окно ветра влетали стерильными. За долгое блуждание по вселенским закоулкам, они теряли обузу вселенский мусора. Оставались запахи. Складывался неповторимый узор. Рисунок запахов разных астральных странников связывался в неповторимую бязь.

«Не дай бог ошибиться и выбрать не того лихого покорителя звёздных просторов». Принюхиваясь, думал Хирон. Исчезнув с площади, самодержец всея Скалы, быстренько переместился в пещеру, где гуляли астральные ветра. Вот уже несколько минут царь скалы ё пытался разобраться в хитросплетениях Вселенских скитальцев.

«Ни чего обломается народ, Риг справиться». «Не справиться, пушу гулять без головы по пещерам забвения». «Не посмотрю, что он моя правая рука». «Отсеку руку по самые бакенбарды. Там глубоко, в Скале, пещерах Забвения, будет гулять под здоровую ручку вместе с Оттоном, противным. Там разгуляться есть где». Пещер там достаточно». «Придет время и безмозглую многоголовую скотину – змея взнуздаю». «Надо только добиться одобрения самого» ... Даже в мыслях, старый хитрец Хирон, боялся, лишний раз назвать хозяина по имени. «Ну,

наконец, кровью запахло». Приюхиваясь к очередному ветру, обрадовано подумал Хирон. «Этот, кровавый, мой». Завернув тело в огромные крылья. Кровавый ветер забрал венценосного узурпатора. Как положено буйным покорителям, злобно рыкнув, ветродуй с кровью, исчез в окне ветров. Буйный, с кровавым запахом, тайфун исчез, провалившись в «окно Ветров», как в пропасть. Тишина наступила у «окна астральных СКИТАЛЬЦЕВ». Вселенский эфир, в окне, светился миллиардами звёзд. Где-то там, в необозримой вечности, скрыты истоки, наполняющие эфир жизнью. Латиняне, называли это эманация – истечение. Течёт река сущного, от трона Создателя. По мере удаления от источника предметы ухудшаются. Необходимо стремиться в высшие миры. Возвращается к богу—отцу, богу – сыну и богу святому духу единому в трёх лицах – всё, что существует в мире. Где—то живут миры, которые имеют счастья постоянно наблюдать Создателя.

Смертельная природа

Дорога поднималась в гору, потресканный асфальт больно отзывался на людях, сидящих в маршрутке, было набито битком. Рабочий люд спешил из одного города Орск, в меньший Новотроицк, за хорошей жизнью, работой, зарплатой на Орско—халиловский металлургический комбинат.

Люди в маршрутном такси стояли, увы, всем места не хватило. Маленький ручеек от толпы, стоящей на остановке, в ожидании следующей надежды вовремя успеть на работу. Ехал на менее значительные производства, с меньшей оплатой. Например, Слава Лекарь ехал на станцию скорой и неотложной помощи. «Ранняя весна похожа на белое солнце в зените». «Солнце не просто молочного цвета, а холоднопрозрачно—белое». «Солнце ледяное и жаркое, по контрасту температур». «Днём жарко хоть раздевайся до трусов». «Утром леденяще – холодно. В кожаной куртке, без подстёжки, на тонкую футболку, озноб пробирает». «Особенно, когда ожидаешь бесконечную череду маршруток, забитых доверху народом». «С утра можно опоздать на работу». «Правда, я никогда не опаздываю». Эти мысли пришли Лекарю в жарком от тел и их дыхания в переполненной маршрутке. «Я не опаздываю на работу потому, что выхожу за два часа до смены». Лекарь радостно улыбнулся. Маршрутная

«газель» проезжала около хранилища бытовых отходов, проще говоря, городской свалки, местом её жительства пустошь между двумя городами спутниками. Слава работал сутками и свалку проезжал два раза за двадцать шесть часов. В суточной работе вместо суток, были ещё два часа на сдачу смены и пятиминутку. Пятиминутку, рачительные руководители, растягивали на часы. Так что свалку, Лекарю, приходилось дважды нюхать, по дороге на работу и когда ехал домой. Огромный металлургический комбинат и цементный завод не перебивают, даже когда дымят вместе, едкого, гнилостного запаха, местного озонатора воздуха. «Черноморское побережье Кавказа. Горы» ... «Воздух, как нарзан» ... «Тропические деревья закрывают горы сплошным зелёным кудрявым ковром» ... «Дорога из Сочи в Адлер бежит вдоль побережья» ... «Красотища несусветная» ... «Любуешься морем по дороге на работу» ... «Чую опять знакомый запах» ... «Среди благоуханий нарзана между Адлером и Хостой опять запах человеческих нечистот». «Родная свалка не оставляет своими заботами». Лекарь, без особой радости, взирал, на проплывающий за окном маршрутки, пейзаж. Хилые деревца изогнутого карагача, присыпанного красным снегом, лесопосадка, сменялась гнилым озером. В его водах ни что живое не живёт, только отходы производства. Завод с красным дымом из многочисленных труб, «великолепие» здешней среды – свалка. «Огромные залежи мусора, чадят вонючим дымом». Пересадка с такси на такси ждала Лекаря на железнодорожном вокзале города Новотроицка. Год назад, к денег абсолютно не хватало, на трёх детей, пожилую девяностолетнюю бабушку и неработающую, сидящую с близнецами жену. Лекарь ездил работать на электричке, от вокзала «старого города» Орска, до вокзала города Новотроицка, дальше, на западный посёлок, Лекарь шёл пешком. Это было весьма утомительно. Сейчас, Слава «разбогател». Дополнительно к труду врача скорой помощи, прибавилась пахота, на маршрутном такси, водителем. Денег прибавилось... «С деньгами можно позволить «роскошь» добираться на основную работу на маршрутной газели». Слава печально задумался над метаморфозами судьбы. «Красота на маршрутке, за час, родная станция скорой «помочи». Станция расположена в западном районе города, при бывшей ведомственной медсанчасти «орско—халиловского металлургического комбината». Металлурги с приходом демократии отказались спонсировать больницу. Народ шептался:

Хозяевами холдинга Уральская сталь стали москвичи.

Новым «барам» больница лишний рот. Я лишний рот хуже ножа.

Станция скорой медицинской помощи, типовая, в три этажа. Гараж, теплый, на десять машин. Раньше было больше. Каждый год сокращают количество санитарного транспорта. Начальство говорит:

Сокращается количество населения, каждый год на десять тысяч человек, то есть на одну машину скорой помощи.

«Ну, вот и родные ворота. Приму смену. Сутки пролетят. И домой». Лекарь посмотрел, стоит ли машина в гараже, поднялся на второй этаж, занял место в большей комнате, переоделся в рабочую одежду, синий халат и такого же цвета брюки, принял коробочку с наркотиками у врача, которого менял, расписался за наркотики в диспетчерской, осмотрел всё ли нормально в автомобиле совместно с двумя фельдшерами. Сегодня он работал на реанимации. Нет, Славу Костина не повысили в должности. Его не ставили на эту бригаду, не из—за недостаточной квалификации. Все врачи, постоянно работающие на реанимации и кардиологии, не имели ординатуры по интенсивной терапии. Не из—за стажа по скорой помощи. У Лекаря стажа хоть отбавляй к тридцати годам.

Слава остался в Новотроицке иногороднем, не глянулся начальству, особенно начмеду, женщине лет сорока шести, мусульманке, в очках, худой и озлобленной на весь мир. Как бы ни менялся состав бригад: реанимации или кардиологии, Слава всегда оставался на этих бригадах лишь врачом на подхвате. Врачом на всякий случай. Например, отпуска или больничного листа. Сегодня – заболел врач.

Лекарь внимательно осмотрел кардиограф... Заволновался приёмник в гараже. Диспетчер объявил реанимацию на вызов. «Ну, вот пошли дела кое—как», Лекарь открыл дверь и сел в кабину газели. Автомобиль выехал за пределы гаража, будто вылетел на волю, пугая окрестности мяуканьем и гавканьем сирены, сполохами синего цвета маяков. Сутки пролетели как одно мгновение. После обряда сдачи дежурства Славу опять ждала маршрутка, но он не сетовал. «Это лучше, чем идти километры пешком». Вдруг, Славе вспомнилось. «Сочи.

Жаркое лето. Море изумрудно – зелёного цвета... «Пляжи на всём протяжении моря». Здесь, долгая холодная весна, красна, может плавно перетечь в дождливое холодное лето». Маршрутка, скользя по утреннему льду, плавно остановилась. Лекарь перешёл на другую сторону улицы. «Последняя смена маршрутного такси, третья по счёту, самая приятная». На конечной остановке, через какие—то пять минут неторопливого хода, Лекаря ждал пахнущий чёрным ароматным, свежее сваренным кофе, дом, радостное чувство отдыха и не чего не делающего. Как будто не было двухчасового пути с пересадками на работу и домой, прыгающих на колдобинах, забитых людьми, как огурцы семечками, маршрутках. «Ну, вот я и далеко от врачей стационаров, любыми путями пытающихся оттолкнуть от себя больных. Вытягивающих из тебя душу пациентов. Начальства, которое отказывалось понимать трудности диагностики за пятнадцать минут». Лекарю помогало не терять самообладания громадный опыт работы на скорой помощи, с семнадцати лет, и огромное чувства самосохранения. «Наконец—то дома». «Долой рабочую диету, а точнее голод, который помогает бегать по вызовам. Да здравствует плотный завтрак. Родной компьютер. Писать, спасать вселенную».

Повелитель тьмы

Экран тел светился алым огнём. В середине экрана располагался перевёрнутый крест, как в фильмах про сатанистов. На перевёрнутом распяты висел человек. Ноги несчастного обнимали языки костра. Лицо страдальца анемично, будто мученик не чувствует боли, его ноги привычны к жгучим, алым, языкам костра. Одежда на человеке отдалённо напоминала костюм звёздного путешественника. Гордость звёздных покорителей, белого цвета, блестящий, мог заменить зеркало, костюм повешенного человека напоминал грязную истлевшую половую тряпку. Фон на экране мерзкая рожа, казалось, распяты заменило гнусному созданию нос и рот. Выглядело так, человек на кресте валится мерзкому лицу в рот. Рой, как в ночном кошмаре, почувствовал парализующее чувство страха.

По-моему, мы попали в задницу. Эта мерзопакостная физиономия желает нами позавтракать или покалечить.

Тот и другой варианты меня мало устраивают, – прошипев эти слова Стелс проскользнул под звёздный костюм Роя.

Змея, с комфортом устроившись на груди, предусмотрительно переменял нарядную блестящую окраску на один к одному кожу друга, стал, не отличим от окружающей среды.

Рою стало легче дышать, присутствие друга успокоило, страх прошёл, силы удвоились, появилась уверенность в движениях. Одна мысль пульсировала в голове Роя: «Надо предупредить отца об опасности». Когда страх Роя растворился, появилась другая мысль: «Надо разбить ужасную харю». «Отрубить драконьи головы. Увы, оружие молчало. Двигатели кондора не работали. Он безвольно сложил поддельные крылья и отдался на милость победителя. Дракон тащил добычу в чёрную без дна воронку, образовавшуюся в воздухе. Она была чужда голубому небу, жёлтому сияющему солнцу, казалась не реальной. Вопреки абсурдности чудовище тащило большую хищную птицу с начинкой в виде Роя и змеёныша Стел—СА в бездонную пасть. Время летело. Во весь экран продолжала сиять та же харя. «Не сотрёшь!» Рой попытался воспользоваться сенсорными способностями. «Надо стереть». «Я же в колледже, да и в школе чемпион по полёту мысли». Чемпион напрягся, сосредоточился на мысли об опасности. Сенсор мозга заработал усиленный Стел—Сом. Чудо случилось. Мысль полетела. Рой уловил, как локатором, слова, сливающиеся в чёткие предложения.

Рой, мой мальчик, не беспокойся, мы видим облако. Вылетела эскадрилья боевых судов. Держись!

Одновременно заговорила мерзость с экрана, голос менее привлекательным, отдалённо знакомым. Напомнил утренний сон.

Здравствуй! Как себя чувствуешь?

Голос твари звучал неподдельно участливо:

Ты, конечно, рад нашей встрече. Мы, как преданные любовники встречаемся по два раза на день. Голос захлёбывался любовью, казалось, вот – вот на лице монстра появится слеза отчаянья, её сменила маска неподдельного счастья.

Голос звенел:

Как хорошо тебе живется! Помылся, побрился, наелся, подлечился! Не спеша, подумал о брате. Успокоил себя мыслью, что происшествие ночью тебе приснилось.

Помчался на учёбу к папочке. Лазурные волны, дельфинчики. Синее, синее небо. Не жизнь, а сплошной кайф! Синее и чёрное, какой замечательный колер. Как клякса в тетради, так я в твоей жизни. Это я, чёрный, нарисовался, не сотрёшь. Не отмахнёшься, как от назойливой мошки. Не раздавишь, как, к примеру, таракана или клопа. Я везде. Вездесущ, это про меня. Ты купаешься, я тут, как тут. От меня нет спасения. Кушаешь, и я закусываю. Так любопытства ради, развлечения для. Пища мне не нужна. Я бессмертен. Вечен! Ты понял, безмозг-

лая козявка? Ты думаешь, глядя на брата, весящего на кресте, что он мёртв... Глубоко ошибаешься. Он жив. Несмотря на костер, который щекочет ему пятки. Твой брат сейчас искренне завидует мёртвым. Умереть мы ему не дадим. Пока... Мои добрые мастера продолжают развлечения с ним. Ад, нарисованный вашими жалкими учёными, писателями, священниками, покажется раем по сравнению с тем, что ему приходится терпеть. Теперь взгляни в окошко. Жизнь покажется ничтожной.

Это говорю тебе я повелитель тьмы.

Рой, покорно посмотрел в иллюминатор, только защита Стел—СА, маленькой змеи, позволила сохранить самообладание. Две огромные головы, глаза, горящие лютой ненавистью, смотрели на Роя Грея.

«Третья, наверное, держит моего бедного кондора в пасти». Пасть страшилищ выплюнула столб пламени. Обшивка корабля трещала и плавилась. Образ чудищ напомнил Грею сказочные былины о богатырях, но не как на красочных картинках сказок, а на ящеров, выставленных, на всеобщее обозрение в зоологическом музее.

Впечатляет. Этот помощник молодой, ранний и очень талантливый. Умница сделает из вашей птички жаркое. Разумеется, господа с вами. Назову этот шедевр «дичь с Роем»

Неожиданно корабль подбросило, как будто птица попала в воздушную яму. Снаружи по стёклам иллюминаторов побежали ручейки тёмно—красного цвета, похожего на густую томатную пасту. За бортом у Горыныча не хватало двух голов. На могучих шеях зияли сосуды похожие на фонтаны из их чрева била кровь. Были и другие виды разрушения гигантской рептилии: одно крыло висело на сухожилии, вместо огромного рифленого, как крыши домов, хвоста фонтанировал кровью обрубок. Ящер был похож на потерпевший крушение самолёт.

К большой радости обитателей чрева кондора движение корабля вверх прекратилось, а ещё радостнее, что воздушное судно в виде подбитого хищника не падало беспомощно вниз в смертельном пике. Колыбель повис в воздухе, как будто судно прибил гвоздями к облакам.

«Наверное, это не томаты разбились о стёкла, а кровь этой паршивой твари, летающей ящерицы». «Наверное, боевые корабли, обещанные отцом, подтянулись». За бортом продолжались радостные события. Останки летающей ископаемой ящерицы и обгоревшего бедняги кондора зацепили между двух кораблей. Осторожно понесли в ангары института мозга одного на длительный отдых и возможный ремонт, а другого для экспериментов. Внутри корабль не пострадал. Экран монитора погас. Мерзость с экрана пропала. На груди в разрезе звёздного костюма Роя появилась голова змеи. Пресмыкающийся поменял окрас телесный на серебристый, один в один звёздный костюм. Тишина порвалась на две половинки шипящим звуком похожим на звук заевшей патефонной пластинки:

Из разумных обитателей я считаюсь самым отважным на планете. Сегодня при виде чудовищ чуть не наложил в штаны, которых у меня нет.

Спасибо за поддержку Стел—С. Страх покинул меня тогда, когда твоё тело свернулось в кольцо на моей груди.

Я вынырнул из красного кошмара. Где перевернут крест. Распят брат. Костёр сжигает его ноги. Шептал Рой. С чудесным освобождением горе не прошло. Отчаянье усиливалось бессилием. Одна мысль пульсировала в голове, как спасти брата. «Вот он, ад, в нашем совершенном веке». Из задумчивости вывели слова Стел—СА:

Нет ничего удивительного, приняв облик, человеческой кожи и слившись с твоим телом, я стал частью тебя, твоей плотью и кровью. В результате боялся за себя и тебя.

Ворота на последнем этаже института «Мозга» открыты. Сквозь плотный туман пробивалась лишь огни посадочных фонарей. Казалось пространство, окружающее корабль можно нарезать ножом на большие ломти серого пушистого хлеба. Верхушка института на уровне самой большой вершины на Земле. Это было сделано во благо экологии Земли.

Ноосфера была загажена, человечество умирало, задыхаясь. Надо было сохранить возможность дальнейшего существования биосферы на планете. Тайным советом братства Благодарения господня было принято ряд судьбоносных решений. Совету тогда подчинялась вся конфедерация свободных государств. Одно из постановлений того времени приказывало: «Всем без исключения»!!! Правительствам конфедерации!!! Места постоянного пребывания людей перенести выше поверхности планеты!!! Парламентариям государств и их помощникам, разработать и предоставить на утверждения местным и объединённым парламентам: «Новый земельный кодекс»!!! Суть кодекса: Вся земля из частных владений переходит в собственность конфедерации свободных государств. Поверхность планеты объявлялась заповедником. В уголовный кодекс конфедерации вносились статьи: «За нарушение земельного кодекса заповедных территорий». В статье не было слов «на срок до...». Смертная казнь, чёрная птица, повисла над каждой статьёй. Казнь не только для частного лица, предприятий, но и для государств, не подчинившихся кодексу. Суровые времена требуют жёстких решений. Девизом новой эры в жизни человечества стало: «Единство природы и высоких технологий».

Машины, здания, одежда создавала сама природа при помощи современной генной инженерии и магии Горючее машин, то, чем питалась природа. Читая эти строки, современники Лекаря могут подумать, что машина похожая на тигра поедала органическую пищу, включая людей... Конечно, нет! Вместо автозаправок с бензином, керосином, газом, дизельным топливом, появились с топливом сладким, вкусным, полезным для зверей – машин. Органические заменители топлива производились искусственно на заводах, паривших над планетой на приличной высоте.

Всё переселилось в воздух. Земля покрылась первозданной природой, которой наградила её Создатель. Посещение поверхности планеты разрешалось только для отдыха с последующей санацией. Воздух оттого, что заполнился заводами, фабриками, жилищами людей не стал грязнее, а стал прозрачнее. Охота, это развлечение диких столетий отошло в глубокое прошлое. Высокие технологии, внедрённые в производство одежды, не чем не отличались, а во многом превосходили природные меха и другие атрибуты, которые брали у бедных животных, дикие предки. Охота сохранилась, на других планетах, иных звёздных систем, не вступивших в братство «Благодарения господня». Прошли столетия. Новые здания проектировались по примеру, осиных сот, гнездовой птиц и других жилищ. Соты уютно располагались на верхушке исполинского дерева, сделанного из прочного гибкого материала с искусственной зелёной кроной или дерево, выращенное при помощи генной инженерии, высококалорийных минерализованных добавок из обычных растений. Огромные соты тех же материалов, что и дикие. Натуральные материалы стоили дороже. Количество сот, как естественных, так и искусственных можно регулировать по желанию заказчика.

Институт «Мозга», точная увеличенная копия сот диких пчёл, на гигантском искусственном дереве.

«Эксклюзив – дерево из натуральных материалов»!

«Чудо генной инженерии!»

Взахлёб кричали заголовки газет начала эры сближения с природой. За проект, чуда—дерева, ратовали многие учёные Земли. Не получилось! Тогда в далёком прошлом не хватило времени и денег. Сейчас, в прекрасном настоящем, жалко расставаться с реликвией – первым дворцом новой эры. Один из огромных искусственных сот оборудована под карантинный ангар. Сюда боевые корабли несли останки кондора и реликтового неизвестно откуда взявшегося в данной эре многоголового птеродактиля. Он, после столкновения с орлами, из объединённых военно—воздушных сил, выглядел уродцем, вместо двух голов торчали обрубки шей, третья голова, как спелый арбуз, раскололась надвое, её недра орошали окрестности жидкостью буро—белого цвета.

Кажется, прибываем, не прошло и года. Эй, там наверху! Осторожней кантовать ценный груз!

Змей, весело выскользнув из комбинезона друга на белый свет, увлечённо извиваясь, разминал гибкое тело:

Уважаемый! Наверное, это не последние напасти на наши головы. К гадалке не ходи.

К гадалке ходить пока не будем, а вот занятия на сегодня накрылись медным тазом.

Грей внимательно наблюдал в иллюминатор за бережной работой орлов из охраны, от природных собратьев, отличавшихся только размерами. Огромные хищные птицы нежно внесли и опустили разбитую ящерицу на пластиковый пол ангара. Пластик моментально поглотил грязь. Поместили разбитого гада за мощные экраны защиты, боясь очевидно, что мертвец оживет. Кондора подвесили на стапеля для капитального ремонта

Посмотрите, змеиный барон, уважаемый Стел—С, какая представительная делегация нас встречает, – присвистнул от удивления Грей. В глубине ангара, застыв, как часовые на посту, погрузившись, судя по лицам, далеко не в радостные мысли, стояли первые люди планеты, руководство тайного совета братства «Благодарения Господня». Пожать руководителям руки потерпевшим не удалось. Дверь во внутренности кондора заклинило. Требовалось вырезать новый лаз.

Рой. Как вас освободят. Спускайтесь в зал. – Голос, Миттеля Грея, не скрывал тревогу.

Повернувшись спиной к разбитому кораблю, академик, пошёл вглубь ангара, даже походка его выдавала тревогу. Как по команде члены тайного совета сделали, как корабли, «все вдруг». «Кильватерный строй», накинув капюшоны, чёрных балахонов, на голову, поспешил за Миттелем Греем, к потайной двери, ведущей в лифт.

В целях безопасности, лифт, перевозил лишь членов совета Благодарения Господня, правящей элиты планеты Земля. Жилые дома и общественные учреждения, посещаемые советом, оборудованы подобными лифтами, так же, тайными тропами. Двери, имели двойной способ защиты, скрытые камеры, микрофоны. Гостей, у которых нет права доступа, роботы уничтожали, без предупреждения. Андроиды, перехватывали, не прошеных гостей, живыми. Войско роботов, контролировалось тайным советом. В случае предательства охраны, или одного из членов тайного совета, импульс головного мозга, предателя, подавал сигнал тревоги. Тропы, двери, лифты, дома, где находились члены тайного совета, полностью меняли коды доступа. Охрана, автоматически, переходила, каждому члену совета, в индивидуальное пользование. Разумеется, это продолжалось, до получения дополнительных распоряжений сверху.

«Корабль сына, включён в систему безопасности. Память меня никогда не подводила. Как же хваленая безопасность не сработала? Если бы охрана, института Мозга, визуально вовремя не заметили ящера. Почему зверь не напал на корабль сына в другом месте? Тварь просто пугала». «Демонстрировала силы». «Нате смотрите, толи ещё будет». «Разумеется не ящер, а его хозяин». Тревожные мысли не покидали Миттеля Грея и в плавно летящем лифте, через бесконечные вереницы этажей. Там, в глубинах оболочки Земли, у кипящего центра, находился тайный зал.

«В свете новых событий, может тайный зал, с его защитой, не безопасен». Мысль повисла в воздухе. Голова академика наполнилась страшным хохотом.

Путь тьмы

Демоны парили во тьме. Родная стихия. Для Князей Света и Ангелов Тьмы не нужна еда, кислород, вода, не страшны излучения и вакуум космоса. Дожди метеоритные, для ангелов ночи, игры в снежки, кометы старшие друзья. Демоны летели наслаждаясь. Единственно, что беспокоило Люцифера и Герцога Карро, заставы Архангелов. Они патрулировали Эфир по поручению Всевышнего, дабы возвращать отлучников в Ад, но недаром Люцифер, правая рука Сатаны, повелитель Млечного пути. Ему все дороги меж звёзд ведомы. Демон аккуратно обходил заставы седых старцев и божьего воинства. Герцогу Карро, пока демону лишь второго лика, спокойно с отцом. Пространство Эфира разделилось на шахматные клетки. По мере приближения демонов, клетки увеличились в размерах. Одна из клеток приближалась со скоростью звёздного ветра. Квадрат имел белый цвет. Отец с сыном, благодаря попутному страннику, приблизились. Квадрат превратился в ромб и посерел. Серый цвет ромба постепенно перешёл в крупные яркие огоньки, на абсолютно чёрном фоне. Огоньки сплетались в гирлянды... «Спиралевидные», с более крупными шариками снаружи, мелкими внутри. Дорогу спиральям, перебегали шарообразные сплетения огней... Реже огоньки встречались группами, в виде гантелей. Обычно с краю огромного ромба. Ветер нёс демонов, весело играя, с нарастающей скоростью. ... Странник набирал скорость, больше и больше, как фирменный экспресс, отставший от расписания, сокращавший время на станциях. Ветер, как каравелла, несся по волнам эфира. Крепя такелажем. Казалось минутка, паруса превратятся в альбатросов. Птицы тревоги будут парить, над бушующими волнами, яростного скопления воды. А может звёздный странник вот, вот разорвёт материю космоса, как каравелла растерзает громадную гору, набегающей воды. Странник уплывёт в неведомые глубины, где скрываются громадные чудовища... Каравелла, скорлупка, против бушующей синевы. Гордячка, с вздёрнутой головой, богини на носу. Ей наплевать на экипаж. Его страх перед распахнутой бездной, её смешит. Она рвётся вперёд. Каравелле – богине, должны подчиняться стихия. Звёздный ветер, как каравелла, считал себя хозяином эфира, крепчал и хлопал, как паруса на каравелле.

Музыка. ... Во Вселенной своя мелодия. ... Мелодия эфира, то скрипела, как такелаж на судне, разбуженный бушующей стихией, то рассказывала, издавая нежные звуки, напоминающие песни серен. Она звал за собой, в непроницаемую темноту, чёрных дыр...

Отец, расскажи об этой красоте, – Карро шептал, юный демон взволнован.

Да сынок! Ты обязан восхищаться, к этой красоте приложил руку и твой отец. Создатель творец, художник. – Чтобы подчеркнуть слова, Люцифер поднял руку и упёрся ею в напирющий ветер:

Наш отец! Мы ему помогали! Я был одним из старших херувимов. Серафимы, архангелы, ангелы им ли до нас! Теперь это белое. Эти белые квадраты под контролем ангельской братии. Чёрные квадраты наши. Но Создатель об этом забыл. Наше дело, чтобы ещё один светлый квадрат стал чёрным.

Произнеся речь, Люцифер внимательно посмотрел в глаза сына.

Папа, неужели нам с тобой предстоит погасить эту красоту. Яркие разноцветные шары от ярко красных, голубых, синих, до белых с молочным оттенком. Люди называют, это прекрасное – Вселенной. Эти шарики – Звёздами. Какие они разные – громадные белые, голубые гиганты, средней величины жёлтые и маленькие красные карлики.

От восторга Карро замедлил полёт:

А вон смотри, звезда надувается, как воздушный шар, была маленькая, стала огромной.

Молодой демон говорил с пылающими, как звёзды, глазами, казалось, вот—вот они покинут Карро, займут место одного из Солнц, проплывающих мимо.

Смотрите, смотрите отец, один из шаров там, далеко, продолжает надуваться! Ой! Лопнул! Даже на таком большом расстоянии ощущается тепло.

Восхищению Герцога Карро не было предела:

Посмотрите отец на чудовище с головой, как у архангела. Что за красный глаз с ярким хвостом, растянувшимся на миллионы километров?

Это сынок комета. Кто—то из сочувствующих Серафимов, а может Херувимов? Посылает знак беды! Чтобы предупредить погрязших в грехе – чад. Что мы разрушаем сынок? Планеты, звёзды, астероиды, кометы, бессмертны, как мы с тобой, на эту материю повлиять не можем. Подумаешь, чёрных квадратов прибавиться. И что? Там в этом квадрате будет плохо лишь гуманоидам, а не планетам и звёздам. Люцифер на секунду задумался, подставив лицо ветру:

Наша задача успеть раньше, чем до людей дойдёт толкование знака! Чтобы какой—нибудь дока Лекарь не растолковал человечеству о предстоящей беде. Не изменил для человека неприятное будущее. Рождение и гибель сверхновой звезды, какое ты Карро сейчас наблюдал. Тоже к беде! Но для кого? Для звёздного эфира? Нет! Для Звёзд? Нет! Для Ангелов? Нет! Для человечков, которые вздумали равняться с нами!

Люцифер внимательно смотрел вдаль и загадочно улыбался.

Они там, – демон кивнул в неопределённом направлении, – думают: «авось дойдёт до человека, а мы пока помочь не можем у нас дела».

Демон сильно взмахнул крыльями и стал парить, подставляя крылья ветру. Люцифер наслаждался полётом и собственным мыслям.

«Люди! – кричат Ангелы – спасайте свой дом, Землю!»! Людишки – глупышки, знай, набивают карманы деньгами. Сладко жрут и крепко спят! Забыли о бедных и убогих.

Сначала презирали: «Ой, ой на них вши!»! «От них пахнет помойкой!»! «Надо эту грязь возить на свалку!»! «И там сжигать!»! Ха—Ха—Ха!

Смех Люцифера разлетелся, мелким средним и большим злыми бесами. Раскидался по Вселенной. Смех демона отталкивался от звёзд. Гогот поглощался чёрными дырами, как губками.

Видишь чёрные дыры, всасывают мой смех и слова, это уши доносчиков. Они всё докладывают самому. Тсс. Не говори вслух его имя. Не надо.

Карро закрыл рот и проглотил пытавшееся сорваться имя.

О чём тобишь я. Да о вшах. А мы им концлагеря, печи, Гулагы, помойки. Давайте недочеловеков туда. Люди в ярость. Война! Война нам нечистым мать родная! Из миллионов погибших врятли наберётся с сотню праведников. Значит эти миллионы пошли на съедения Великому Аду. Создатель об них не забыл, но стал слушать мольбы своих созданий – вполуха.

Лектор – философ – демон, откашлявшись, как заправский доцент на лекции, продолжил:

Богатые зажавшиеся людишки, наглые. Человечки, отправили: мерзких, убогих, вшивых, бездомных, бедных и святых отправили к бесам в Эфир. Святых и так мало на Земле. Святых – спасителей человечества в неведомую черноту космоса. Искать Эдем. Богатеи были добры к несчастным, дали им корабли. Уговорили учёных, радетели, прихвостни Совета Благодарения Господня, нынешних правителей Земли. Учёные не лояльные к власти погрузились на корабли вместе с сирыми и убогими, священников с паствой, Долгожданный день настал! Земля чиста от грязи! Нет антисанитарии: учителей, врачей пополняющих армию бомжей. Только богачи и роботы. Солнечная система только для богатых! Благодать! Ха—Ха—Ха!

Звёздный эфир застыл! Космос содрогнулся от смеха преисподней. Здрожали, даже звёзды, от фигуры, закутанной в длинный чёрный плащ. От демона, летевшего, со скоростью мысли в мозгах, по необъятным просторам Вселенной. От Люцифера, повелителя Млечного Пути, исходила энергия термоядерных разноцветных шаров Космоса – всех вместе.

И он, Создатель, после всего вышеперечисленного, забыл о человеке, забыл о своём любимом детище! Для вечности на секунду. Для людишек, населяющих Землю на целое поколение.

Скопление разноцветных шаров приближалось, похожее на свёрнутую в спираль морскую звезду. Одна из ножек огромной звезды приближалась с чудовищной быстротой.

Теперь наше время! Человеки земной древности называли, это скопление звёзд, молочной дорогой – млечным путём. Эти галактики, мои вотчины, сюда входит наш сладкий подарок с Солнцем – жёлтой звездой, а также необитаемыми планетами и обитаемой Голубой Землёй. Люди дали скоплением звёзд галактики – названия. Вот эти два ковша.

Люцифер показывал большим указательным пальцем, как указкой:

Называли почему—то Медведями. Эту едва заметную закорючку – Водолеем. Нам с тобой сынок сюда! К этой жёлтой, ничем не примечательной звёздочке. Звёздочке с романтическим названием Солнце. Надутый с кольцами Сатурн – ткни и лопнет. С виду гигант – сплошное скопление газов. Рыжий Марс – красная пустыня с кратерами и каналами – разрушен детищем Создателя и нами его тогдашними ушами, глазами и руками. Человек—причина раздора между нами и им Великим. Люди поклонялись разным богам. Их боги в названиях планет и созвездий. Марс, Юпитер, Плутон, Венера, Сатурн, Уран, Нептун. Зевс, ну это уже не из области планет этой системы. У них, человек, ума не хватило понять, что Создатель всего живого един. Малость, а нам радость. Пусть заблудшие овцы. Пусть верят хоть в Перуна или Одина. Лишь бы не в него. Увы, нашлись, просветили. Сам родился в сыне своём. Пожертвовал им во имя человечества. А человечество, даже книгу о нём, в большинстве своём не читало. Библию – Священное писание. Для многих его детей неизвестны Старый Завет, состоящий из трёх отделов Закон, Тора: пять книг Моисея, Пророки: книги больших и малых Пророков и агиографы, Святое писание: Псалмы, Притчи, книги Иова и прочая и прочая и прочая, всего тридцать девять книг. Новый завет состоит из двадцати семи книг: четыре евангелия и Деяния апостолов, двадцать одно апостольское послание к ним олухам обращённые. Как Создатель желает, чтобы люди жили. Апокалипсис! Что будет с ними, если они будут жить по—другому. И всё без толку. Потому что не читают. Сам Са... Ну неважно кто, наш уважаемый шеф знает библию наизусть. Тем более я, его покорный слуга.

Впереди расстелилась планета, излучая тепло и сияние. Голубое и белое слились. Дымки облаков, сияние синих океанов рек и речушек, пронизанных лучиками солнца, как ткань золотыми нитями.

Обман существует везде и всегда. Лгут божи создания, особенно люди. Даже творение Божье – природа – так называют окружающую среду люди и та, обманывает своих сожителей. Сейчас мы приближаемся к планете под названием Земля. Это на многих языках людей обозначает грязь – ложь. Кроме грязи, то есть почвы, на ней расположены реки, океаны, моря – жидкие. Воздушный океан – небо. Заметь к грязи – земле, никакого отношения не имеют. Моря, океаны, небо – замечательные оттенки голубого, синего цвета. Так ласкают взор... Всё ложь. Игры! Солнце великий обманщик играет лучами в атмосфере Земли. Лгут во благо... Лишь мы с тобой сынок предельно откровенны. Прилетели в открытый двадцать первый век, навести порядок... Нет! Не правильно сказано! Правильно сказать так! Установить порядок удобный нам для захвата власти! «Почему»? Спросишь ты именно в этот несовершенный век из жизни человечества.

Действительно отец, зачем нам нужна, эта планета сейчас, а не восемь тысячелетий спустя? Ведь ты говорил, там созрела почва для захвата.

А я Принц Тьмы отвечу. Видишь скалы? Эти горы скромнее Эвереста и Тибета. У людей бытует легенда, что жизнь зародилась на Тибете. Шапка мира – Тибет. Может быть. Для разума людей. Но я, демон первого лика, правая рука Великого Сатаны, Повелитель Млечного Пути, и прочая, и прочая... совершенно точно знаю, что смерть человечества поселилась здесь.

Люцифер показал на скалы, покрытые скудной растительностью.

Это уральские горы. Когда зарождалась Земля с гадами, первые ступили на неё мы, силы тьмы. Свили уютное гнёздышко в длинных холодных пещерах. Сверху холод снизу жар огненной лавы. Чем не Ад. Заметь без показухи. Извержение будет, но потом. Когда нам будет нужно. Здесь связь между параллельными мирами не только Земли, но и всей Вселенной.

А почему в двадцать первом веке нам надо посетить местный ад?

Ну, до чего молодёжь стала торопливой. Кто тебя учил перебивать старших?

Простите отец.

Приятно иметь дело с вежливыми людьми. Ещё приятнее, что это родной сын. Ходят байки среди светлых и прочих гуманоидов: тёмные – хамы и невежды. Враки! Терпеть не могу хамов! Хамы – для людей. Среди Князей Света и Ангелов Тьмы хамов нет. Все говорят на Вы. Это Он нас приучил Великий. Создатель сотворил нас Ангелов.

Отец! Я не помню. Разве это возможно, чтобы мы были добрыми светлыми духами.

Увы, истинная, правда. Самого приближённого ангела, из престолов, Создатель дал имя Денница. Сам не любит хамов. А вся нечисть, скопившаяся на Земле, хамы. Не жалея их сынок. Наглецов надо учить.

Сон о Москве

Лекарь спал в зале трёхкомнатной квартиры. Диван, на котором спали Слава с женой, самый большой из трёх вещей гарнитура. Входили, в «спальню», диван, разборное кресло и маленький диванчик. Лекарь, поставив подушку набок не потому, что особенный человек, просто голова сильно потела. ...за ночь вынужден переворачивать подушку до десятка раз, каждый раз ложась на более или менее сухое место, так что ночью обе руки Славы заняты. Одна рука переворачивала подушку, другую, крепко сжимала маленькая дочка. Диван Лекаря стоял близко, голова к голове, девочек – близнецов. На спящих людей в окно смотрела огромная луна, стояла тихая морозная погода, казалось, город вымер. Окна смотрели мертвыми глазницами. На улице ни одной живой души. Коты и кошки спрятались в тёплые подвалы. Домашние элитные коты спали, свернувшись калачиками в ногах хозяев. Луна возбуждала спящий мозг, а с четверга на пятницу навевала вещие сны. Лекарь, метался по постели, наваливаясь, большим толстым, телом на жену. Видимо, в это время ему снился неприятный сон. Жена, сквозь сон, сталкивала мужа, переворачивая на другой бок. Иногда тело Славы неподвижно замирало, вероятно, устав от беспокойства. Сон закончился успешно.

Начиналось новое сновидение.

Сон первый, навеянный луной:

Тёмная комната, плотно заставленная мебелью, через закрытое окно и решетку виден соседний дом и ухоженный двор. Зеленеет листва, стволы деревьев, искривляясь, припадают к стене дома, как любовник к чужой жене. Люди гуляют с собаками. Бабушка держит на поводке, даже трёх собак. Заасфальтированные дорожки чётко очерчены. Бордюры дорожек аккуратно раскрашены в жёлто—зелёный цвет. Идёт мелкий дождик. Комната письменный стол у окна, так как свет дальше не достаёт. За столом сидит Лекарь, печатает на новеньком ноутбуке: «Здравствуй компьютер. Вот мы с тобой, надёжным другом, вместе. Мне и моей семье пришлось проехать полстраны. Как оказалось в России мне, коренному русскому, можно быть чужаком. В сердце столице России, Москве, можно быть гастробайтером. Москва – город мечты.

Град, которым я привык гордиться с детства. О ней слагались песни. Столица Родины. Обороняя, Москву, мой дед. Михаил Костюков, горел в танке. Дед перед тем, как от дыма впасть в беспамятство написал: «умираю, но не сдаюсь». Потом бесконечные лагеря смерти. Дед бежал из фашистских застенков более трёх раз больше о нём, я, увы, не знаю. Дед проживал с семьёй в Ленинграде. Он умер в шестидесятых годах в одном из госпиталей Ленинграда. Сказалось истощение организма. Его внука, люди, называющие себя москвичами, приняли только в качестве, ругательного слова применимого к инородцам – гастробайтер. Удивительно, но англичан и прочих западных жители москвичи называют иностранными специалистами. Дело, конечно, не в названии, а в отношении местного начальства и тех, кто сдаёт жильё».

Лекарь перевёл взгляд с компьютера на окно. Каштаны протянули к окну ветки, будто толстыми пальцами хотели распахнуть его, но им не дали решетки, превращавшие небольшой зал, где жила семья Лекаря, в маленькую тюрьму. «Даже вороны здесь жирные». «Кажется вот — вот, задохнуться от жира». «Еле передвигают лапами».

Несколько ворон взлетело испуганные худенькой собачкой дворового происхождения. Её вёл на поводке седой пожилой человек. «Как тяжёлые чёрные самолёты поднялись». «Объелись отходов на местных помойных контейнерах». «Ладно, вороны». «А крысы – развелись в невероятном количестве». «Ни чего и некого не бояться». «Ходят, перевалывая халяву». «Свили нору под окнами». Лекарю трудно оторваться от окна. «Лучше всего наблюдать за окрестностями дома в окно на первом этаже». «Всегда в курсе всех событий». «Вот, к примеру, дед, гуляющий с молодой собачкой». «Раньше дедушка гулял с псом родоначальником

всех собак на свете». «Седая собака полупарализованная, еле передвигала лапами». «Пожилой хозяин выносил её на прогулку на руках». «Вот бабушка, гуляющая с двумя собачками, той же дворовой породы». «За преданность к животным лишилась дружбы всего этажа». «Москвичи – соседи, любившие больше собак, ворон, крыс, чем приезжих, прокляли старушку только за то, что от её квартиры больше воняло собачьей мочой и потом, чем от других квартир, так же полных собак». «Думал ли Юрий Долгорукий, что город, заложенный им, станет крупнейшим мегаполисом, столицей громадной страны». «Многочисленные рабочие силы привлёк его тёзка, мер города Москвы, Юрий Лужков». «Только благодаря его настойчивости столица России строится». «Она стала интересней и привлекательной для инвесторов других стран». «Москва стала кормилицей многонациональной рабочей семьи». «Коренные москвичи Лужкова не любят». «Не любят его стройки, рабочих, и вообще всех приезжих». «Москвичи не задумываются, кто из них будет разбирать мусор во дворах, если некоторые из москвичей не могут убрать мусор из собственных квартир». «Кто будет делать ремонт зданий». «Строить дома для разросшегося мегаполиса». «Возводить многоэтажные магистрали». «И прочая и прочая». Лекарь отвернулся от окна. Ноутбук, как живой организм, позвал Лекаря к себе. Слава морально пострадал от местных жителей. Чуть не вернулся на историческую родину продолжать глотать родные кости вместе с женой и малолетними детьми. Продолжать просить милостыню у родни. Сейчас, это было, как будто в другой жизни или во сне. Помог Лекарю остаться Создатель всего живого на Земле. Лекарь отогнал тяжёлые воспоминания. Умный аппарат продолжал манить к себе. Лекарь повернулся к экрану, положил руки на клавиатуру. Пальцы как танцоры не зависимо от тела Славы стали выделять одним им известные кренделя. Мысли улетели за неведомым ему рассказчиком. В неведомую даль, в чей—то сон...

Швейцария по – Оренбургски

Только пригорки видели выход двух теней, обернувшихся людьми, прибывшими, судя по одежде, из средних веков. С прибытием двух господ в природе гор ни что не изменилось. Так же по пригоркам журчали многочисленные ручьи, играя друг другом, кто быстрее спустится в долину. Разноцветные поля подснежников заменили тюльпаны горные разноцветные мелкие. Иногда в тишине разнотравья и хрустальных родников появлялись косули. Они щипали травку, не опасаясь хищников. Волков и лис уже давно истребили браконьеры. Живой столбик, сурок, не пугал травоядных, как и серый заяц, и прогибавшая ящерица. Она сама боялась, как бы, кто не уцепил её за хвост, который ей пришлось бы отдать.

Ну, вот дорогой князь! Мой дорогой сынок Карро! Мы и прибыли. Где—то здесь? В этих останках прежде самых красивых гор, в пещере, собирается на шабаш местная элита нечистых.

Место, где появились, воплотившись из воздуха, Люцифер и герцог Карро не радовала глаз. Насколько хватало взора, росли чахлые, искривленные в какие угодно стороны, деревья. Увы, высоких гор, с вершинами покрытыми льдом, искрящимся под натиском Солнца, тем более снежных лавин не было. Да и откуда им взяться. Стояла весна... Листочки на маленьких деревьях и кустарниках едва окрасились в нежно—зелёные цвета. Слякоти не было. В этой части России, даже осенью, дожди бывают редко. Сейчас на границе с Казахстаном царствовало прекрасное время рождения природы. От горы, у которой приземлились демоны веяло нестерпимым жаром... Люцифер, подойдя поближе увидел тщательно замаскированное травой отверстие.

– Ну, вот это вход во дворец местной нечестии. Пойдем, посмотрим, кто страх перед посланцами Сатаны потерял. Кому надо показать, где раки замачиваться и пекутся.

Чёрный принц завернулся в плащ и исчез в тёмной бездне пещеры, как будто растворился в воздухе, оставив за собой шлейф из пламени и дыма. «Сердится папаша». «Смотри, как пылает и искры мечет». Подумал Карро, повторяя движения отца, растворился в траве с меньшей помпой, чем отец, без шума и пыли.

...В пещере полный аншлаг...

Нечистые гуляют с размахом, как новые русские или сливки шоу бизнеса...

Личные обиды забыты, даже если оскорбления связаны с потерянными душами, покушением на легко заменяемое, брэнное тело, очередного грешника...

Конферансье, выбранный из выдающихся воздушных демонов, старался на всю катушку. Угодить всем. Его девиз. Демон летал в массе приглашённых нечистых: ведьм, леших, воздушных, огненных, болотных демонов. Он указывал места согласно месту, положенному этикетом. Чем ближе к сцене, тем выше ранг нечистого.

Возле сцены на троне из золота восседал огромный демон. Проходя мимо, нечистый стремился ниже пригнуться к земле и лизнуть руку или ногу начальнику. Рядом с тронном находился перевёрнутый крест привязанным, несомненно, грешником. Сидящий на троне, главный дьявол, ведёт себя нагло и вызывающе. Старую седую ведьму, несмотря на почтенный возраст и на то, что она ему не мешала, пинком ноги скинул с камня, затоптал водяного, неосторожно загородившего сцену.

На сцене разворачивалось действие, которое с трудом можно назвать лицедейством. Современные авторы легко пишут о сексе, то, что происходило на подмостках местного шабаша, словом секс назвать обидеть слово. Группа демонов, состоявшая из сборной водяных, кикимор, подземных и другой нечестии, спаривалась со сборной солянкой ведьм, колдунов и помощников, продавших душу нечисти за сладкое местечко в местном аду. Игроки не замечали пола! Соревнованию чужды понятия любви, нежности, верности, девственности, попавших на гулянье демонов впервые, лишали этой награды, хором с хохотом. В хоре наслаждав-

шейся тьмы могли быть и близкие родственники. Лишали девственной плевры и спереди, и сзади. Не зависимо от желания несчастных. Аргумент один. Девственники – ради собственного счастья и радости вступили в братство ТЬМЫ. ОНИ принадлежали всему братству. Должны пройти обряд посвящения. У дьявола и обряд грязный. Огромный лысый демон, в котором мы признали руководителя, первым кидался на сцену. Вступал в связь с несколькими новичками. Насытившись, как упырь крови, монстр отползал на место. Внезапно всё переменялось! Действующих лиц заметно прибавилось... В пещере наступила пронзительная тишина... Слышно, как вода капает со стен... Как шелестят крылья у постоянных обитателей тёмных сырых глубин – летучих мышей. Дышать стало трудно от нехватки свободного воздушного пространства. Между сводом пещеры и полом воздух плотно загружен вечными телами огненных и воздушных демонов. Плотный пол разверзся. На его поверхность выплеснулись и расплозились, как кляксы, блестящие от света факелов нефтяные лужи. Болотная жижа заполнила до этого сухие места. В середине пещеры нефть чадя, горела. Её подожгли огненные демоны по приказу небольшого человека, одеждой, тонкими чертами лица, похожего на высокородного испанского гранда времён святой инквизиции.

Значит веселимся!

Голос маленького гранда прозвучал, как раскат грома!

Всё так же похабно! – Гранд вглядывался в морды демонов. – Шабаш есть шабаш!

Незнакомец продолжал, в его голосе звучала издёвка: – Хорошее дело таким, словом не назовут.

Незнакомец расхохотался, его явно веселила собственная речь и недоумение окружающих:

Нет бы, чинно танцевать, как в милой моему сердцу Испании.

Никому неизвестный... явно впадал в кретинизм воспоминаний:

В те давние времена горели тысячи огней «Светой» инквизиции. Они работали на нас. Сколько праведников при помощи святых отцов инквизиторов мы отправили на встречу к Создателю. Люцифер прошелся, обходя пары, застывшие в экстазе: – Остановись мгновение! – Чёрный принц остановился у группы, застывшей в круговом сексе. Понаблюдав, как истинный целитель, произнёс:

Так о чём это я? А теперь какая—то местная тварь хочет помешать нашей работе над проблемой «Лекарь». Где тот упрямец, отказавший моим посланцам.

Незнакомец внимательно заглянул в глаза каждому из присутствующих:

Гонцам Люцифера, поставленного самим Сат... Воон кем! Над этой частью Вселенского царства.

Вот он отец, – проговорил принц Карро.

Карро материализовавшись из воздуха, неожиданно для окружающих. За спиной Герцога несколько огненных тянули могучего лысого демона обидчика водяного и старушки ведьмы.

Ты, мозгляк, возомнил себя Всевидящим, Всезнающим Сатаной, а может самим Создателем или мною Люцифером непобедимым, Принцем тьмы.

Лысый мощный дьявол молчал. Его мысли пролетали, как годы всевластия. Скольких демонов предшественников он отправил во вселенский ад, смутно понимая, кто там правит. Просто он боролся за власть. Века власти прошли, как мгновенья. Демон отлично понимал, кто перед ним, но сказать в свою защиту, ничего не мог. Огненные демоны, выжгли ему язык. Воздушные демоны, накачали его метаном. Промычи лысый хоть звук. Этот звук был бы для него последним. Он разорвал бы его живот на части.

Молчание знак согласия. – Люцифер приковал огненный взгляд к глазам лысого демона. – Значит, тебе сказать мне, твоему господину, нечего.

Пауза затянулась. Лысый продолжал молчать.

А может ты, лысый, раскаиваешься.

На демона навалилась старая обиженная ведьма, на ноги упал водяной случайно им обиженный.

Ну ладно! Долгие проводы лишние слёзы. Пора и честь знать.

Поднялся сильный ветер. Настоящий тайфун. Ураган разбросал невольных зрителей и артистов на сцене. Воздушных и огненных демонов размазал по стенам. Водяных демонов утопил в болоте. Подземных втоптал в кляксы нефти.

Вместо испанского мальчика – дворянина посреди пещеры стоял столб пламени! Лицо огромное красное с бивнями вместо клыков, с ветвистыми рогами на волосистой части головы. Огромные руки с видимым наслаждением схватили лысого. Нежно содрали с мощных мышц кожу. Небрежно отодрали куски мяса. Содранное мясо перемешали с внутренностями и костями. Огненный монстр отправил адскую мешанину в горящее озеро нефти. Закончив работу, огненный дьявол пропал. На месте огненного столба, как ни в чём не бывало, раскинаясь с пятки на носок, стоял маленький испанский гранд, он же вселенский Князь Тьмы, он же Люцифер, он же Чёрный принц.

Ну, вот и поговорили! – Промолвил правая рука Сатаны.

Вокруг сцены, где стоял Люцифер, лежала местная нечисть. Водяные, лешие, ведьмы, демоны которых можно связать лежали, как колоды. Лиана, переплетаясь красивыми узорами, крепко держала чурки, ранее бывшие третьим миром.

И было нечестивых, видимо невидимо. Имя им легион. Вроде все здесь! – Считая пальцем, задумчиво промышчал Чёрный принц.

Увы, отец не все любят собираться на шабаши. Игнорируют праздники.

Кто же эти наглецы.

Домовые и русалочные. Прикажешь найти и наказать.

Зачем! Дорогой Карро. Нужно уважать чужое решение.

Мрачно задумавшись, Люцифер процедил:

И до них время дойдёт. А пока найди—ка мне седую старуху бывшую учительницу Лекаря. Пора устроить наглецу сюрприз.

Сновидение два

Лекарь спал на спине и храпел. Луна светила в окно, продолжала навевать сны.

...Дверь на улицу резко открылась, он вдохнул холодный осенний воздух полный ароматов умирающих листьев. «Больно сдавило сердце». «Да нет, это не стенокардия на холод, – согласно своей профессии врача, задумался о причине боли Слава, – это нервы». «С тех пор, как переехал в столицу, чувство тревоги не проходило». «Гулять не хотелось» ... «Насильно прогуливаться с детьми по Москве в любую погоду, невзирая на дождь или снег, вынуждали обстоятельства». «Квартира, которую снимаю, за шесть тысяч, по понедельникам, каждую неделю заседал домком, во главе с председателем кооператива». «Кроме председателя, крупной черноволосой женщины статью похожей на генеральшу, на бдениях присутствовали две старушки секретарь и бухгалтер». «Не хватало лишь Швондера из романа Булгакова Мастер и Маргарита». «Вдруг председатель затянула: «Мы жертвами пали в борьбе раковой» ... Дождь, холод пронзил насквозь, стало теплее. Ветер, как злодей, знал, что у Славы замок на любимой куртке разошёлся, подлец, в дырки между пуговиц залезал, как извращенец.

Вопя, – во всё горло закричали два детских голоса. Это к Лекарю, на улицу, подтянулись близнецы.

Двойня родилась неожиданно, в том числе родителей, весёлым криком, постоянно напоминали о своём существовании, думали родители, что пройдёт время, шустрые дети успокоятся. Время убегало сломя голову. Девочкам исполнилось семь, крик и беготня не прекратилась, лишь крик стал громче и бег быстрее.

Партусистент действует, – благоговейно шептала жена.

Отёчное лицо, цианотичные губы шепчут:

Пироженко хочу.

Вдруг жена начинает, задыхается:

Где нафтизин.

Слова гасят молчание в комнате.

Нет? Как же так! Теперь я умру.

На дверях здания написано: Аптека закрыта.

Утро. Жена еле, еле передвигаясь, добредает до аптеки. Её лицо счастливо.

Сохранять беременность.

«Интересно кто это сказал»? Звучат слова:

Приёмный покой.

Мне капают партусистент, – жена дрожала.

Огромное сердце билось, горя алым пламенем... Пламенный мотор, бился со скоростью сто сорок ударов в минуту. Так было двенадцать часов в сутки. Ровно столько, сколько длилась процедура.

«Кажется, вот только они родились... и вон какими вымахали». «А теперь я ими не доволен» ... «Близнецы родились – красными, недоношенными, маленькими». «Даже килограмма не набрали вдвоём».

«Добрые однокурсники, акушеры, мать их..., гинекологи.

Человек в белом халате, лицо расплывается, глаз заливают слеза:

– Хорошо, что ещё дышат.

«Мне. Отцу»!

Отделение сохранения недоношенных, на вид почти девчонки, не отпускают из отделения. Просят:

Может, мамочка ляжет в отделении. Дети лежали две недели. Без вас. Пока вы лечились и не могли самостоятельно ходить. теперь пусть полежат с вами. Вместе. «Они нянчат

моих красненьких, как собственных детей». «Нет на такси и домой». «Дедушка водитель такси поздравлял нас за близнецов». «Кстати, этот же водитель встретился нам опять на пути к месту регистрации близнецов в Городской Загс» «Удивительное совпадение в таком городе, как Оренбург». «Может, это сам Николай Угодник»? «Дома полная стерильность». «Жена драила и стерилизовала». «Увы, грудь дети не берут». «Отвыкли или не привыкли к груди». «А может, им было тяжело сосать грудь»? «Надо усиленно работать. Ведь дети привыкли. Лишь бы дырочка соска была побольше». «Бац». «Бутылочка пуста» ... «Выходили» ... «Казалось всё страшное позади»... «Но не тут, то было»!

...Лекарь с близнецами дошли от подъезда, до магазина «Спорт мастер», догнала жена. «Мысли мои спутались, их прервало щебетание Лены, жены».

Смени выражение лица. Кажется, что ты кого—то похоронил. Чем ты недоволен. Я с тобой. Дети твои любимые с тобой. Живёшь в самом красивом и богатом городе страны.

Многие только и мечтают об этой удаче.

Помолчав, жена добавила:

Ты получаешь самую большую зарплату для твоей профессии в стране.

За неё и спрашивают в три шкуры. Мало того, что доезд установили, до вызова за двадцать минут. Это в Москве с пробками. Водители, даже с мигалками, не рискуют ездить по встречной полосе. Было несколько аварий. Руководство не помогло в ремонте машин. Восстанавливали водители машины за счёт своей небольшой зарплаты. К доездам до вызова приспособился. Другая напасть – госпитализации. Время – затраченное на больного. Время – затраченное на госпитализацию, километраж... Всё повесили на шею врача скорой помощи. И за всё расплата – уволить. Поневоле будешь думать не о качестве помощи, а уложился ли ты в показатели работы или нет. Почти тридцать лет работаю в системе Скорой медицине, такого не встречал. Как быть? Даже не знаю? Хочется плюнуть и уехать.

А есть передовики на этом поприще неизвестной «доброй» медицине – статистики.

Как не покажется тебе и мне, странным – есть. Их показатели средние по подстанции шеф округлил красным цветом. Кто хуже, даже на два процента в синем круге. Некоторые из семи возможных имеют семь синих. Например: вызов без госпитализации больного в среднем по статистике подстанции занимает шестьдесят минут. В это время входит и доезд до больного, сколько ты провёл у больного с лечением, доезд по пробкам до подстанции. А у тебя предположим шестьдесят семь уже синий кружок, и ты без премии и без работы.

А я думала главная заповедь по Гиппократу, вылечи, а не можешь излечить, не навреди. А здесь точно навредишь, если будешь думать не о больном а, о показателях.

Зришь в самую точку проблемы. Передовики теперь те, у кого красных кружков семь. В прошлые времена, таких наказывали за невнимательное отношение к больным. У одной по недосмотру, даже умер больной. А теперь она в передовиках. Мне обидно столько лет работал, меня ценили. Теперь числят в синих середнячках. Как опасного среднего и премию уменьшат, как говорит начальник в разы. Разговаривал с главным толкователем библии на подстанции – Лёшей. Говорю ему:

Это от дьявола, все эти показатели. Господь велел врачевать, а не укладываться в показатели. Оказывать людям помощь.

Он твердит своё:

Начальство от бога. Как сказано, так и правильно так и надо стараться.

Где это написано в библии, что начальник от бога?

По—моему, только царь помазанник божий?

«А он не слушает, твердит своё». «Ну, ни чего»! «Сейчас осилю закон Божий». «Буду учить библию». «Не переживай, прорвёмся».

Жена, грустно наклонив голову, смотрела в глаза Лекарю. Ей было больно смотреть на мучения Славы.

Помнишь, как меня не брали на работу из—за друзей. Взяли да на полусутки. Зарплата маленькая, Ты не работала. Газеты разносили. Сколько слёз ты проплакала. Сколько за всю предыдущую жизнь не вылилось. Как ты ночами не спала пока я потомной Москве иду полной опасностей. Кардиограф не выдавал аптекарь. Уходил и не знал, будет ли моя машина укомплектована. Первая смерть в машине и произошла из—за кардиографа. Запиши он хорошо плёнку на месте. Вызвал бы я бригаду интенсивной терапии. Больного госпитализировали бы другие специалисты. Помню, как говорил этот дьявол лысый:

Где я вам его возьму.

А когда я его спрашивал, «как же мне работать». Он предлагал уехать в Оренбург. Хотя мы с тобой живём в другом городе.

Разговор прервался, на горизонте появился любимый магазин «Пятёрочка». Мысль семьи переключилась на пищу. Дети закричали, как всегда, привлекая к разговору окружающих:

Купите мне что-нибудь вкусненькое: чипсы, фанту, жвачку.

Всё это одновременно. Открылись двери магазина и неприятности отступили на задний план.

Лекарь перевернулся на другой бок. Диван без матраса давил на рёбра. Сквозь сон Лекарь подумал.

«Что за дурачки сон: Синие кружочки, доезд, лысый хам. Бред, да и только!» Мысль успокоила своей простотой... Лекарь погрузился в новый ночной кошмар.

Пещера.

**Отроги
уральских
гор**

Шабаш был окончен. Куски правителя пещеры ярко догорали укутанные газовым облаком.

Ну, вот пошли дела кое—как. – Довольно потирая свои маленькие изящные ручки, смеясь, проговорил Чёрный принц:

Так, где же седая ведьма первая учительница сволочного Лекаря спасателя, твою мать – Вселенной.

Она перед вами сир. – раздался глухой долгий голос от которого дрожь по телу, будто из самой преисподней.

Люцифер увидел перед собой старуху с огромным горбом. Её рот был полон золотых зубов, согнувшихся в разные стороны.

Кто ты доставивший столь ценный груз.

Это я мой господин. – Из тьмы моторизовалась фигура в одежде военного покроя.

Ба кого я вижу. Ты ли это Вельзевул. Царственная муха?

Я мой господин.

Когда—то Вельзевул любил проверять ведьм и колдунов. Он появлялся перед ними, в облики мухи. Чтобы тайно выведать, кто, о чём говорит. Его военное прозвище «Властелин мух». Появится в облики мухи перед изящным Люцифером и князем Карро, счёл унижительным, а генералом армии Наполеона, счёл достойным:

Добыли старуху, господин, из местного чистилища.

Спасибо дорогой генерал. Вы как всегда педантичны.

Князь тьмы задумчиво посмотрел на седую старуху. «Это мерзкое чудо, учительница Лекаря по младшим классам». «Как бежит время». «Да!» «Не доработала ведьма с этим боголюбимым экспонатом». «Тогда, этот гад, ещё некрещённый, далёкий от взора Ангелов». «Всё было бы на много проще». «Довела бы до смерти». «Умер, бедолага, от ангины или от инфекционного миокардита и никаких проблем».

Ну, что предложишь, старая карга? Как будем бороться с твоим, уже не юным, постаревшим воспитанником.

Плохая помощница из меня, мой повелитель, зубы сточились. – Прошамкала ведьма беззубым ртом, в котором блестели, на фоне чёрных ям, несколько оставшихся золотых коронок

Ты старый боец детского фронта. Сколько загублено детских душ, с первого по четвёртый класс, школы номер два. Ведь, бумагомарака, Лекарь, тебя ославит в веках. Ты ведь поступала так с ним, как велела партия и правительство. Ну, послужи мне. Будешь ходить по аду с новенькими золотыми челюстями. Заберём тебя во Вселенскую адскую империю. Денница будет доволен.

А кто такой Денница.

Ну, милая моя. Сказывается твоё коммунистическое воспитание. Плохо ты, ведьма, учила закон божий. Денница самый главный ангел, сотворенный Создателем. Не захотел ходить под Богом. Любить его. Объявили клеветником, то есть на том языке Сат... Ну, да и ладно. Хватит с тебя информации. Вообще он мой повелитель и твой.

Мой повелитель!

Не называй меня так. Называй ваше высочество.

Одно могу сказать ваше высочество. Того кого вы ищите в родном доме нет. Довело его семью безденежье.

Подался с выводком и женой в столицу деньги зарабатывать.

Где Вельзевул?

Здесь Ваше высочество!

Громогласно объявил герцог Карро, указывая на бонапартийского генерала.

Новый представитель тёмных сил появился в пещере, опять так же внезапно, из воздуха, как предыдущие господа.

Это Вельзевул. Лучший друг самого Сатаны.

Я прекрасно знаю кто это. Дорогой муха ты почему исчезаешь и появляешься так внезапно. Хочешь, чтобы я опять тебя распылил в вечности. Работа вся насмарку! Старая ведьма бесполезна. Лекарь смылся.

Лицо Вельзевула вытянулось и побледнело.

Карро представляя демона, расшаркался, как знаменитый конферансье, забыв добавить, что этот князь тьмы, умеет соблазнять людей гордостью.

Как так ненаглядный сынок, – желваки заходили на красивом юном лице

Чёрный принц перевёл огненный взгляд на лежащих, связанных лианами, нечисть.

Одно радуется, – сменив жестокую маску на улыбку, сказал Люцифер, – замечательно мы их связали, живое растение Лиана пригодились.

Зря удивляетесь, дорогой отец.

Произнёс Герцог Карро. Его голос уверен и дерзок:

Что для местных часы. Для нас, песчинка. Дни – мгновения.

Спасибо, за просвещение. Что же нам теперь делать с пропущенными не по нашей вине мгновениями. Бросать эту красоту.

Взгляд демона залоснился. Чёрный принц испытал великое удовольствие, осматривая пещеру, переделанную под резиденции его высочества. Весь камень отшлифован. «Яшма». «Какие картинки ада рисует волшебный камень».

Демон с гордостью подумал о тьме. «Нефтяные озёра, окружены возвышением из камня». «Походный трон сверкает золотом». «Местный демонический бомонд заключён в клетки». «Каждая клетка содержала заключённого согласно роду, племени, рангу». «Воздушные, летали над полом». «Огненные, летают над сводом». «Бояться, заразы, даже спустится ниже и поджечь нефть». «Водяные и болотные из кикимор дрожат». «Расположились на окружающем жидкость парапете». – Не надо красоты менять ваше высочество, – прогудел Вельзевул.

Не скрывая самодовольства, прокрипел демон:

В Москве уже работают ваши преданные слуги. Там много наших сторонников. Все согласны служить вашему высочеству. На видном месте повесим огромный экран. Будем из штаба любоваться великолепной операцией.

Сон третий

Лекарь спал, беспокойно разбросав большое, толстое, тело по дивану. Тело лежало так, что жене, спавшей рядом осталось весьма мало места. Как хорошая жена, она дремала, свернувшись калачиком, подобрав ноги под подбородок, не смея, беспокоить мужа. Слава имел наглость спать на спине, храпеть, рискуя бурным дыханием разбудить спящих на соседнем диване детей – девочек близнецов. Наглец, продолжал видеть вещие, добавляя наглости, срамник, видел цветные сны: «Два дня шуршит за окном дождь». «Природа рыдает по патриарху». Лекарь, хмурясь, смотрел в окно на оголённые деревья. «Жаль неба не видно с первого этажа». «Очень плотно пространство загорожено многоэтажными панельными домами». «Не видно голубую высь». «Даже в хорошую погоду в комнате полумрак». «Тем более в декабре». «Здесь в Москве идёт вместо снега нудный бесконечный дождик». На экране телевизора шла церковная служба. Провожали в последний путь «Предстоятеля Первосвященника Преподобного Светлейшего Патриарха Всея Руси отца Алексея Второго». «Он умер пятого декабря двухтысячно восьмью года». Лекарь сел к компьютеру. Тщательно записал дату смерти и полное звание покойного в свою, ещё, очень далёкую до опубликования книгу. Мысли мешали Славе писать. «Так и не попали проститься с Патриархом». Горькие, до слёз, мысли не давали сосредоточиться. «Кто —то запросто может пройти проститься». «Кому—то пришлось с маленькими детьми простоять перед храмом Христа Спасителя четыре часа». «Выслушивать враньё милиции о том, что вот —вот, все выйдут из храма и тогда пустят проститься». На экране телевизора: митрополиты, архиепископы, епископы, дьяконы, президенты, их жёны. Делегации православных церквей различных стран ближнего и дальнего зарубежья. Приглашённые делегации других конфессий. Знаменитые люди. Все прощались с великим человеком. «Даже мусульмане, не имеющие к православию никакого отношения, простились» ... «Можно позавидовать богатым людям. Их семьи чуть ли не ввезли на личных авто в храм». У Лекаря от отчаяния перевернулось сердце. . . «За часы стояния в храм дети проголодались». «Близнецы, особенно хотели проводить Патриарха». До сих пор Лекарь слышал слова девочек: «Папа, папа поговори с милиционером». «Ведь ты же мужчина»!

«Ты сильный!» «Может, они нас без очереди пропустят». Слава, скрипя душою спросил. Отчётливо запомнил ответ: «Не велено пускать», пробормотал милиционер. Одновременно, «блюститель закона», пропуская другую пару людей. Он пропустил людей по указанию крепкого мужчины в гражданской одежде. «Что тут поделывать». «Даже проститься с великим человеком, нужен блат, или богатство, или слава, или власть» Слава лихорадочно стал ловить и печатать слова, летящие в голову, как птицы. Лекарь слабо печатал и боялся упустить хоть слово из навейного. «Чтобы попадать к знаменитым и великим». «Даже на похороны!» «Надо!» «Либо стоять ночами напролёт». «В моём положении, с двумя маленькими детьми, которых некому оставить, невозможно!» «Либо надо быть богатым». «Всех и всё покупать по бешеным столичным ценам!» «Либо быть знаменитым!» «Лучше конечно стать президентом!» «Увы, в моём возрасте и на моей работе, уже не станешь»

За окном дождь лил не переставая. «Природа рыдает!» «Она должна рыдать!» «Ведь люди потеряли одного из лучших!» «Природа даже не представляет, что своим аномальным теплом убила одного из великих своих сынов». «Нет, нет», Лекарь спорил с мыслями. «Его призвал Создатель!» «К себе!» «В Святое Воинство!» «На войну!» «С самим дьяволом!» «На защиту людей!» «Почему же плачут небеса?»

Лекарь на мгновение задумался. Ответ, записал в лёгкие странички компьютера. «Небесное, Святое Братство, скорбит!» «О нём Великом!» «Гений, закончил земной путь». «Это ли не скорбь». «Таланты, не приходят из неоткуда». «Предок Алексея Редигера – граф Редигера – воюя за отечество, против французов, не мог догадаться, что правнук станет Патриар-

хом Всея Руси». «Его доблесть в боях, на благо отечества, ковала будущее своим потомкам». «Отец, Предстоятеля Первосвященника, служением богу укрепил душу ребёнку». «Можно ли предъявлять претензии к прародителям, за то, что их потомок вынужден стоять в очередях, не имея денег, славы или удачи» ... «Ведь они не задумывались, что жизненным подвигом куют кто счастье и славу, кто бесславье и проклятье потомкам». Мимо уже около часа движется колонна шикарных автомобилей. Автомобили окружены лихорадочно мигающими машинами гаи. Одна из машин везёт почившего Патриарха к пристанищу его святой жизни. Богоявленскому, Елоховскому кафедральному собору. «Надо обязательно сходить в собор преклонить колени перед ушедшим Патриархом». «Надеюсь, для этого не придётся стоять ночь напролёт не надо быть богатым знаменитым и не иметь высоких покровителей». Лекарь спал в беспокойной фазе сна. Слава пытался, что—то сказать, речь стройная понятная, только во сне. «Как умер Патриарх»! «Быть того не может»! Лекарь не поверив погрузился в новые сновидения.

Сон четвёртый...

Двор принял Лекаря в мягкие пушистые снежные объятия. Ночь. Фонари, как глаза. Дворкота, окунувшегося в сугроб. «Вторую зиму в Москве. Впервые вижу здесь такой пушистый снег». Лекарю нравился снег. Столица нарядилась в белые одежды. Её, как ёлку украсили разноцветными гирляндами, от ёлочных базаров шёл таёжный запах. Дух елей и сосен в сочетании с уличными гирляндами и снегом навевал Лекарю мысли. «Новый год»! «Скоро новый год»! Радостная мысль, менялась грустной мыслью и тревожной. «Увы, книга, как назло, не пишется». «Как будто тот, который диктовал книгу, отвернулся». «Наверно диктует книгу другому автору». «А как же Я»! «Разочаровался, наверное, в моих писательских способностях». Слава брёл по мокрому асфальту. Сугробы у снега в Москве не получались. Снег тут же убирала многочисленная снегоуборочная техника. «Лень вперёд меня родилась». «Так говорила бабушка в детстве». «Когда я, маленький Славик, не хотел помогать ей по хозяйству». Лекарь удалялся от подъезда. Он шёл по ярко освещенному двору, буквально забитому техникой. Автомобили нашли себе парковку во всех мало—мальски свободных местах огромного двора. Навороченные новые иномарки. Старые иностранные огромные рыдваны. Калеки отечественные. Только что купленные отечественные автомобили. «Брошены любимцы беспечными хозяевами на ночлег». Лекарю пришлось петлять между ними, чтобы выйти из двора дома на Дмитриевское шоссе. Здесь стояли киоски, торгующие пивом, сладкой газированной водой, минералкой и прочей снедь, круглосуточно. Общий пейзаж города, сбоку от крупного спортивного универмага «Спортмастер», оживляла ёлочная ярмарка, похоже, тоже торговавшая всю ночь. «Около магазина, стоят те же железные кобылы». «Всадникам, наплевать, останутся их лошади целыми до утра». «Какая волшебная ночь». «Какой замечательный мохнатый снег». «Какой я идиот, не хотел выходить на улицу». «Поддавался каким—то неизвестным страхам». «Во дворах, улицах, проспектах, бульварах, шоссе Москвы, светло как днём». Народ бродит, не замечая, что уже 22.00, а не восемь часов утра. Столица в делах и заботах. Спасибо детям попросили сходить за минеральной водой. Подсела семья, плотно, на сильно газированную минеральную воду. Понимаешь, из крана не хотим пить. Там далеко, на маленькой Родине, редко позволяли себе, даже молоко, только детям». Лекарь подошёл к ларьку. Ветрина, крошечного магазина, ломилась от изобилия напитков. Ларёчник толи узнав постоянного клиента, толи, зная киоск наизусть. С секундной заминкой сунул в руки Лекарю двухлитровый пластиковый флакон с «BON AQVA». Именно сильногазированный, который предпочитал Слава с семьёй. «А ведь этого изобилия могло и не быть», Лекаря накрыло солёной горькой волной воспоминаний и понесло в бурный океан недалёкого прошлого. Сновидения меняло одно, другим. Лекарь метался в непонятном для него будущем... Очередное сновидение, было страшным.

**Сон
пятый...**

Комната пугала полумраком. Она напоминала склад пищевых продуктов. На полу лежали матрасы. На матрасах в вповалку лежали одетые люди. По людям и матрасам, по пищевым продуктам: фруктам, овощам бегали любопытные прожорливые серые крысы и рыжие усатые тараканы. Первой поднялась женщина лет сорока. Лекарь слышал её мысли. Чувствовал её чувства. Это был он... Женщина встала строго по звонку. Звонок телефона поднимал, на протяжении многих лет. С тех самых пор, как началась война... Телефон пел песню на её родном языке... Расстелив коврик. Женщина встала на колени, обратив тело на восток. Она, преклонив голову, молилась. Молилась истово. Увы, молитва не давала облегчение её душе. Сердце продолжало биться зло и гулко. Женщина очнулась от минутного забытья. Она вспомнила, где находится. Кто эти люди, спящие на полу, на грязных засаленных матрасах. Женщина ненавидела всё вокруг. В том числе и этих людей, которые будут сопровождать её в последний путь. В уме она кричала:

«Проклятый город! Исчадии преисподней! Москва! Скопище гяуров! Они развязали войну, забрали мужа и сына Эти люди забрали моих любимых!» Женщина резко выдохнула, пытаясь, успокоится, прервать тошноту кислятиной, подкатившую к горлу. «Я заберу их жён, детей, матерей. Пусть погибнут! Как жаль, что нельзя взять, как можно больше людей с собой!» Женщина задержала взгляд на небе, маленькой разово—голубой полоской, заглядывающей в окно. Заря проникала в город, обходя крыши многоэтажек «Туда, где в райской курии, ждут и надеются на меня муж и сын. Я вышла бы на самую большую площадь. Сама бы привела машину в действие. И весь город погиб. Весь! Мне не жалко земляков – предатели за копейку продают родину. Пусть погибнут все!» Женщина подошла к столу, взяла стакан полный таблеток. Она необычайно жадно схватила пару таблеток, проглотила не запивая. Люди молча, вставали с пола. Три женщины и один мужчина. Молча, брали пищу с крошечного столика: жареную баранину и лепешки. Ели тщательно жуя. Запивали пищу чаем. Все брали стакан с таблетками. Как роботы глотали по две таблетки. «Они делают это равнодушно! Будто ничего не происходит! Будто они не поведут меня умирать! Будто одна из симпатичных молодых гяурок забудет нажать кнопку на своём телефоне. И моё полное здоровье тело не разорвётся на части!»

Она ненавидела этих людей, преданных воинов аллаха, сопровождающих её на подвиг: «Что им моя жизнь – говно!»

Три женщины и мужчина молча, съели, ранний завтрак. Так же, не говоря не слова, вышли на ещё полупустую улицу. Город только просыпался. Ему трудно сбросить утренний сладкий сон. Машины, с эмблемой Георгия Победоносца на дверках, тщательно мыли улицы и площади. Чистили щётками. Дворники злобно мели улицы, поднимая клубы пыли. Солнце ещё не вышло за стены многоэтажек, но его молочно—розовый свет уже освещал улицы. К метро тянулся первый неленивый ручеёк граждан, энергично спешивший на работу. Двое мужчин и женщина смешались с ручейком, предав действиям энергичность. Спешащий ручеёк у метро сделал турбулентное движение, соединившись с ручейками людей, выходящими из разного вида транспорта: автобусов, троллейбусов, маршрутных такси, личного автотранспорта обернулся рекой.

Двое мужчин и женщина почти смешались с работным людом, но, как бывает, только во сне... сон затормозился. Стала повторяться одна и та же картина. Бесконечно...

«Кружится голова. Как кружится голова». Женщина упала на колени, склонила голову, как это делают нищенки на лестницах перехода. «Наверное, я переборщила с таблетками». Голова раскалывалась, горела. Видение одно за другим посещали, как во сне, до боли реально: «Мать покойница, как живая, стоит и гладит её длинные чёрные волосы». «Матери губы плотно сжаты, но она слышит её крик»: – Не надо!

«Мать сменяют муж и сын. Они одеты во всё белое. Тела на половину скрывает молочный пушистый туман. Глаза умоляют»:

Не делай это!

Лекарь метался по подушкам, но сон не уходил... «Поздно!» – стучало у женщины в голове. Отдавалось гулом внутри Лекаря... Грубые мужские руки подняли её с земли. Голос, пахнувший жареной бараниной, зелёным чаем и ещё чем—то неприятно кислым, прошипел, безжалостно:

Аллах Акбар!

Сердце перешло на галоп. Войдя в метро её глаза стали настойчиво искать милиционера. Увы, блюститель порядка отвернулся от женщины. Потом её загородили тела молодых, откуда—то взявшихся молодых гяурок. Девушек сменили на посту её тела мужчины. Женщина не хотела спускаться в метро. Ей хотелось вернуться на улицы ненавистного города. Будка – кафе земляка, где ей удалось на мгновение уснуть, уже не казалась склепом. Увы, обратной дороги не было. Время неумолимо увеличивало бег. Эскалатор быстро отсчитал ступени лестницы. Ещё мгновение... Вот и поезд. Трудно сделать шаг в вагон... Вагон полный ничего не подозревающими людьми. «Но там».

Женщина посмотрела на гладкий потолок метро. «Наверху, меня ждут». Успокоила она себя. Ритм галопа, сердце, сменила на семенящую походку осла. Женщина сделала шаг

вперёд, вошла в поезд е смерти. Вагон поезда плотно наполнен людьми. Она протис-

нулась в середину тел. «Надо нанести максимальный ущерб». Так учили е инструкторы лагеря, в горах. Это требовала и то, что привязано к поясу, давя на живот. С каждой станцией становилось тяжелее дышать. Сердце опять билось с бешеной скоростью. Пот холодный, с запахом страха, стекал между грудей, лопаток. Он лился между ягодицами, попадал на живот. Там горела бомба. Адский механизм щелкнул. Резкая боль разорвала женщину надвое. ... Лекарь, будто отталкивая кого—то или что—то от себя, перевернулся на спину. Столкнул одеяло, так, что ноги упали на пол. Слава проснулся. Оглядел, с удивлением, молчащую ночным сном, спальню. Подтянул на кровать ноги. И опять ушел в кошмар. ...Женщина отчётливо слышала, чей—то крик ужаса. Её кишечник, разорвался. Вонючее, склизкое, дерьмо, разлилось, на остатки, любимого, собственного, тела. Она почувствовала, как сломался позвоночник. ...Внезапно всё пропало. ...Боль. ...Свет. ...Всё. ...Всё, что человек называет жизнью. ...Мгновение. Женщина летела в огромной трубе. ...Она. ...Выплюнула её на землю. Почву, выжженную, до пепла огнем, будто напалмом. Громадные горы, изрыгали миллионы тон лавы. ...Вокруг не было, ни души. ...Только груды пепла и огонь. ...У женщины было тело. ...Она помнила, то родное тело. ...Стройное, смуглое, мускулистое. ...Которое нравилось мужчинам. ...Тело, любившее ласки. ...Выпуклости, которыми так восхищался муж. ...Память о муже, отправила её на смерть во имя Аллаха. ...В мире, с выжженной дотла земли, царствовала пустота! Пепел, дым, красная обжигающая лава. Вонючий, пахнувший, горячей, человеческой плотью, дым. ...Не было самого главного. ...Ради чего, она, приняла смерть. ...Не было родных и близких людей. ...Людей, которых она рассчитывала увидеть после смерти. ...Тело было, но было другим. ...Не знакомым. ...Дряблым. ...Мраморно белым. ...Смердящим тленом. ...И дерьмом. ...Как пахло содержимое, вывалившееся из разорванного, при взрыве, кишечника. ...Она попыталась встать. ...Ноги хилые, без мышц. ...Не держали, даже костлявое безмышечное тело. Внезапно появился голос. Он был нежным и сладким, обволакивал и шептал, в обглоданное неизвестной болезнью ухо:

Твоя земная оболочка исчезла! Тот взрыв, в метро, унёс её с собой! Там погибло много несчастных, твоих братьев! Взрыв, ты устроила сама! Эта ноша будет преследовать. ...Тебя вечно. ...Ведь душа бессмертна...

Голос, так же внезапно пропал, как и появился. Он растворился в смраде дыма, пепла и огня. Растворился в голове и пахнущем нечистотами её новом теле. Женщина предпринимала бесчисленные попытки встать... Её кахексичное тело долго наслушалось... Наконец она встала... «Боль в ногах невыносима» ... «Тело пылает»... Мгновение и перед её глазами показалось морда дракона.

Сейчас я тебя отвезу на встречу! – угрожающе прошипели губы монстра.

Огромная пасть схватила её новую хилую костлявую оболочку! Она затрещала, будто через мгновение разорвётся. Боль пронзила, стала для неё вечной. Дракон подбросил в воздух мощи, когда—то бывшие человеком. Он ловко, не напрягаясь, открыл, до невозможно-сти, пасть. Тело, не задерживаясь, как понакатанному, проскочило, прямо в желудок. Змей блаженно сглотнул, больше для форсу. В животе у монстра было влажно и неудобно. Жидкость желудка жгла её тело, без того обожженное огнём и бесконечной мукой. Змей летел над сожжёнными горами, реками лавы, выжженными полями.

Дурашки ждут встречи с родственниками, а встретятся с ним, – дракон улыбнулся, – с хозяином, он поблагодарит меня за работу.

Дракон подлетел к огромной расщелине. Она изрыгала дым и потоки лавы. Сложив крылья, в пике... монстр провалился в щель, захлёбываясь дымом, открыл рот, оторвал тело. Последнее, что женщина увидела, и будет видеть вечно, великий костёр, кипящий огромный, вместивший озеро, котёл. Кипящая вода стремительно и неумолимо приближалась. Погружаясь в кипяток, она почувствовала не с чем несравнимую боль. Всё испытанное ранее, даже сама смерть в огне бомбы, несравнима с этой болью. К предыдущей боли она уже привыкла... Погрузившись в кипяток, из её горла вырвался рык:

Больно.

Тело погрузилось в кипящую воду с головой. Кипяток расплавил ей внутренности. Она всплыла. Голос, уже другой более страшный и неумолимый звучал в её сваренных покалеченных ушах. Он злобно шипел, плевал слова. Они гулко отскакивали от скал:

Так будет бесконечно! Всегда! Это говорю тебе я!

Твой хозяин на веки вечные!

Лекарь проснулся в липком холодном поту. Наваждение не проходило.

Как, страшно? – прошептал чей—то хриплый голос.

Кто тут – Лекарь огляделся в поисках источник хрипоты.

Ему ответила тишина... Рядом спокойно храпела жена. На соседнем диване, сложив друг на друга конечности, спали близнецы. Ритмичное сопение девочек ничем не напоминала голос во тьме.

Интересно, – Лекарь испугался звука. Прозрение пришло внезапно. «Это голос самого... Сатаны» ...

Глава 2. Нашествие

Площадка, повисшая над горами, между тремя домами сотами, заполнена под завязку аппаратами на любой вкус. Юркие стрижи с мощными двигателями, позволяющими юрким машинам на суборбитальных высотах выполнять фигуры высшего пилотажа. По краям площадки занимали довольно много места степенное братство орлов. Одина из гордых птиц приземлилась, мощно махая крыльями. Орёл ожидал, пока хозяин освободит рубку и прошествует к одному из лифтов. Машина, бесшумно остановившись, не спрашивая разрешения, сличив человека с данными, мгновенно, унесла в квартиру похожую на соту пчёл. Соты повисли в заоблачной выси на мощном основании шириной с километр, головой задевая звёзды. Орёл, дождавшись сигнала об открытии квартиры, послушно занял предназначенное для него место на площадке. Девушка, высокая белокурая изящная, выбежала из лифта, на ходу, застёгивая костюм астронавта, заторопилась к аппарату похожему на ястреба. Клюв птицы устремлён в небо. Хищник расправил крылья. Внезапно, не доходя, до аппарата, девушка упала на колени перед ребёнком, лет пяти или шести. Она вцепилась ребёнку в волосы и завывала, нечеловеческим голосом. Её тело покрылась зелёными пятнами, под цвет ребёнка. На крик женщины, плач ребёнка, из сот, по аварийным спусковым устройствам, как пчёлы, высыпали тысячи людей. Площадка для транспорта заполнилась, до отказа. Люди сидели, даже на собственных летательных аппаратах. Сюрреалистичности картина: девушка рвёт волосы, на голове ребёнка, зелёного цвета и визжит, превликла всех. Она кричала:

Спасите!

Люди открыли рты. Им казалось, что надо спасти бедного бирюзового ребёнка. Вдруг малыш перестал плакать. Ребёнок стал расти не по дням, а по долям секунд, уже не ротик, а пасть заглотила обидчицу полностью. Мальчик, превратившись в огромного зелёного монстра, хватал и глотал, всех кто подвернулся ему под руку. Он схватил прилетевшего на зов красного орла – полицейский аппарат. Зелёный монстр вытряхнул из орла, как из половой тряпки, полицейских себе в огромную пасть.

«Полицейские летели спасать обиженного ребёнка». Око Земли искусственный мозг недоумевал. «Как же так»? «У этих людей появились причуды». «Им посылаешь полицейский вертолёт в помощь». «Его пожирает зелёное чудище бывшее ребёнком». «И у каждого из людей, животных, даже комаров и вирусов появился рогатый зелёный двойник». «Он ходил за ним». «Ест с ним». «Спит рядом». «Потом человек, животное, птица, вирус исчезает». «Более того, зелёные двойники у животных поедающие хозяев». «Надо доложить хозяевам»!

Недремлющее око, созвездия «Малого Пса»

Подземный зал заседаний, «Совета «Благодарения Господня», полон. Кроме членов «Совета» приглашены представители союзных планет и влиятельные граждане Земли. Речь держал Миттель Грей:

Господа! Вы должны понять, сказанное здесь должно умереть с нами.

Он смотрел в глаза присутствующих. Маг искал в этих людях предателя. Его взгляд главного волшебника планеты проникал внутрь каждого и пресекая возможность малейшего сопротивления. Было тихо. Никто не рисковал разбрасываться мыслями. Докладчик, выпив жидкость из бокала, продолжил:

Столкнувшись с жестоким, могущественным врагом мы должны быть крайне бдительны и осторожны, избежать паники среди жителей планеты Земля, миллиардов разумных существ, тысяч планет вошедших в содружество, кандидатов войти в него, подгоняющих внутреннюю жизнь под наши жёсткие требования.

Миттель Грей прервал речь, сдавило горло. Он уже не проверял окружающих, не лез в души людей, чувствуя солидарность зала. Чтобы раздышаться, маг налил из графина жидкость в стакан, с жадностью осушил его до дна: Речь из промытого горла полилась с особым ожесточением:

Паники не должно быть. Она разрушит наше содружество и погубит Землю. Нечто... Стремиться разрушить нашу спокойную жизнь... Нами Советом Благодарения Господня приняты меры защиты... Помещение это тщательно охраняется. Мы добились, чтобы наши заседания не прослушивались.

Зал застыл. Тишина была вязкой и тревожной.

Если вы! – Миттель Грей зло посмотрел на присутствующих, особенно не на членов Совета «Благодарения Господня» – По злему умыслу...

Оратор, поставил небольшой паузой, большую злую точку, вложив в неё максимум колдовской энергии.

Или по другой уважительной для Вас причине, допустите утечку информации.

Докладчик сделал длинную паузу. Пауза должна привлечь внимание зала.

В тот же час, Вы, умрёте! – Миттель выпустил импульс.

Он равен молнии, достигшей сердца каждого, сидящего в зале, как бы, этот каждый, не защищался. Она не убила, но внушила страх. Устроив очередную паузу устрашения, председатель возобновил речь:

Если кто—то! Помимо нашей воли! Попытается войти в пространство, где заседает наше чрезвычайное собрание!

Он испепелится.

Закончив угрожающий пролог, председатель, послушал тишину зала на предмет движения мыслей. Результат обрадовал Грея. Мыслей, бродящих и злобно огрызающихся, не было.

Я Миттель Грей председатель этого расширенного Совета, пропал член экспедиции, она должна отправиться к неизвестной для содружества, чёрной, невидимой части Вселенной. Пропавший – мой сын.

Возникла пауза неудобства, горечи в сознании зала, сочувствия к председателю не было.

Подвергся нападению и мой второй сын. Так же участник экспедиции. Эти события заставили предпринять действия для разрешения данной чрезвычайной ситуации. Первое, что принято без вашего ведома и ведома правительства содружества. Я пригласил опытного сыщика. Мастера дела. Говорю это не для красного слова. Мне пришлось воспользоваться услугами внешней разведки содружества. В глубочайшей тайне, с отключением моего канала слежения, я воспользовался аппаратурой разведки. Дал задание системе отследить лучшего

оперативного работника содружества. Главный вопрос: где его искать и кто он? Я несколько не удивился ответу. Лучшие сыщики и по разумению АППАРАТУРЫ находятся в молодых мирах. Мирозданиях, недавно вступивших в братство «Благодарения Господня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.